

Катриона Келли, Светлана Сиротинина

«Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми¹

Катриона Келли
(Catriona Kelly)
Оксфордский университет,
Великобритания

Светлана Сергеевна
Сиротинина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

Если праздникам довоенного времени посвящено большое количество исследований (см. напр. [Petrone 2000; von Geldern 1993; Лапин 2007: 80, 102–105, 125–127; Малышева 2005; Рольф 2000]), то 1960-м, 1970-м и 1980-м гг. уделено сравнительно мало внимания². Словно существует некое молчаливое согласие, что праздники хрущевской и брежневской эры особого интереса не представляют: в связи с распространенной трактовкой 1970-х и 1980-х как «периода застоя» новаторские явления не ожидаются. Но на самом деле начиная с 1956 г., а тем более с 1961 г. праздники проходили существенный процесс трансформации. Правда, основные «красные дни» остались теми же — 7-е ноября, 1-е мая, Новый год, в 1965 г. государственным праздником стал

¹ За финансовую поддержку благодарим Leverhulme Trust (грант № F/08736/A 'Childhood in Russia: A Social and Cultural History') и Arts and Humanities Research Council (грант № AH/E509967/1 'National Identity in Russia from 1961: Traditions and Deterritorialisation'), а также Альберта Байбурина и Виталия Безрогова за помощь с организацией интервьюирования.

² Исключение — исследования, полностью основанные на официальных печатных источниках [Lane 1981; Глебкин 1998].

День Победы. Еще появилось много новых праздничных дней — День Шахтера, День Рыбака, День Букваря, и всячески поощрялись уже существующие негосударственные праздники, например, 1-е сентября. Наряду с «календарными» праздниками с поздних 1950-х гг. появляется и множество новых «обрядов», оформляющих, например, «день первой получки», «торжественное вручение паспорта», «наречение имени ребенку». И «праздники», и «обряды» описывались в обширной нормативной литературе, посвященной так называемым «новым советским традициям»¹.

В данной статье анализируются идеологические основы и прагматические соображения, связанные с развитием «новых традиций», в частности — постсталинских массовых календарных праздников, а также восприятие этих праздников советской публикой². Кроме того, мы рассматриваем отношение к праздникам советских детей (политики и активисты придавали большое значение воспитательной функции праздников и обрядов)³. В первой части работы, основанной на документах из архива ЦК КПСС и ленинградских партийных и комсомольских организаций, описываются функции праздника в процессе оформления «новых советских традиций». Вторая часть посвящена рецепции праздников (здесь основными источниками являются интервью, проведенные с информантами 1950—1970-х гг. рождения в городах Пермь, Санкт-Петербург, Москва и Таганрог)⁴. Тема «праздников» объединяет широкий круг проблем, важных для понимания советского общества послесталинской эпохи: политические приемы «централизованной демократии»; отношение к народ-

¹ Более полный список такого рода публикаций см. на сайте <www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism>. Среди них, например [Бенклиев 1971; Бородин 1963; Бромлей 1981; Брудный 1968, Брудный 1985, Брудный 1988; Геродник 1964; Гитазуллин 1962; Ельченко 1976; Кампарс, Залсович 1967; Кикило 1969; Климов 1964; Климов 1965; Курантов 1961; Лисавцев 1966; Праздник на селе 1958; Праздники нашей улицы 1967; Соколова 1990].

² Разделение «календарных праздников» и «обрядов» искусственно, так как и те, и другие считались «традициями» как в нормативной литературе, так и в восприятии широкого слоя «советских граждан» (ср. интервью с «культуртрегером» из Перми ниже). Но объем статьи не позволяет рассматривать детально развитие «новых обрядов».

³ См. напр. «О работе комитетов комсомола Псковской области по атеистическому воспитанию юношей и девушек, внедрению новых обрядов в жизнь» [ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 95. Д. 371. Л. 9–10; 24 марта — 4 апреля 1986 г.].

⁴ Интервью, проведенные с помощью Arts and Humanities Research Council, цитируются под шифром «Oxf/AHRC», интервью, проведенные с помощью Leverhulme Trust — под шифром «Oxf/Lev». Интервью были проведены Светланой Сиротиной в Перми (Oxf/Lev P), а также Александрой Пиир (Oxf/Lev SPb AP), Светланой Амосовой (Oxf/AHRC SPb SA), Александрой Касаткиной (Oxf/Lev AHRC SPb AK) и Ириной Назаровой (Oxf/AHRC SPb IN) в Санкт-Петербурге, Юлией Рыбиной в Москве (Oxf/Lev M) и Любовью Тереховой в Таганроге (Oxf/Lev T). Благодарим всех за ценную помощь. В данной работе цитируются устные рассказы о детстве 35 информантов (15 м., 20 ж.), а также сведения четырех учителей и воспитателей детских домов и семи «культуртрегеров», организующих официальные праздники. См. также сайты проектов, <www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/childhood> и <www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism>.

ной культуре; миссионерство и педагогические амбиции политической элиты и интеллигенции; развитие «культуры развлечений» в так называемый «период застоя»; борьба между «архаистами» и «новаторами» в позднесоветской культуре; конфликт между определением счастья как нравственного явления и счастья как результата материального благополучия¹.

В данной статье подробнее рассматриваются две особенности: «приватизация» советского праздника (т.е. его «локализация», переход от общественного значения к семейному) и растущая роль развлекательных элементов, дополняющих ритуальные и политические составляющие или даже заменяющих их. Эти особенности сильно влияли на восприятие праздников детьми, которые (уже в качестве взрослых) в свою очередь становятся важным «проводником» новых взглядов на праздники, возникающие в постсоветское время.

Здесь необходим небольшой комментарий о возрастных и временных категоризациях, к которым мы прибегаем в данной статье. «Детство» подразумевает в первую очередь так называемое «раннее детство» (early childhood, 3 года — 14 лет), но неизбежно фигурирует также и «подростковый возраст» (15—18 лет). В связи с распространением среднего образования в 1960-х гг. значительно увеличилось количество подростков, учившихся в школе. Такие подростки (тем более если они учились в городской общеобразовательной школе и жили у родителей) не считались «взрослыми» или «совершеннолетними» ни в законодательстве, ни в социальных практиках. Они проживали так называемое «удлиненное детство» (extended childhood), возникновение которого историки детства считают одним из главных явлений, характерных для «модернизации» семейных отношений (см. напр. [Cunningham 1995])². Что касается периодизации, то термин «постсталинский» употребляется здесь как эквивалент английского слова «post-Stalinist», включающего и «оттепель», и «период застоя». Несмотря на существенные перемены в советской «высокой культуре» с конца 1960-х гг., «популярная культура» осталась в значительной степени стабильной. Так, по-прежнему существовали институты «горизонтального надзора» («добровольные народные дружины», «комитеты

¹ См., с одной стороны, [Бондарев 1986: 197]: «Так или иначе, свобода связана с понятием долга, без которого свобода лишена внутренней нравственной дисциплины, а счастье — энергия действий», а с другой стороны, пересказ удачного доклада 1971 г. лектора по политпросвещению в Приозерске, в котором «все условия для счастливой жизни» определялись как «хорошие вещи, новая мебель, моторные лодки, как трудящиеся провели свой летний отдых» [ЦГАИПД. Ф. 27. Оп. 145. Д. 3. Л. 94].

² Такое широкое понимание термина «детство» встречается в текстах постсталинской эпохи: см., например, фоторепортаж «Дворец-молодец!» [Вечерний Ленинград. 1990. 3 янв.], в котором «детвора», веселящаяся с Таврическим дворцом, включает и дошкольников, и старшеклассников.

народного контроля», «товарищеские суды», «общественно-политические занятия» на работе и в школах). «Возобновление традиций», которое началось в конце 1950-х гг., продолжалось и в течение последующих трех десятилетий (и является весьма актуальным и в наши дни). Здесь речь пойдет о том, как к этим «изобретенным традициям» относилось «последнее советское поколение» [Yurchak 2006], вернее, последние поколения, выросшие в советское время.

«Добрые традиции творят народ»

Слово «традиция» включает целый круг явлений, относящихся к представлениям о прошлом, к тому, что в современной науке называется «культурной/исторической памятью». С конца 1950-х гг. в эти понятия было вложено специфическое политическое значение. Обращение к «традициям» должно было конкретизировать абстрактные понятия «государство» и «общество», которые до этого были аллегорично представлены в фигуре любимого Вождя. Одним решением проблемы, по представлениям партийных работников, было постоянное напоминание о жертвах прошлых поколений, о «боевых традициях» славного партийного и комсомольского прошлого¹. Но параллельно с этим происходило и обращение к «народным традициям» как к основе преобразованного советского быта². Термины «традиция» и «праздник» были тесно связаны (как, впрочем, и в дореволюционной русской культуре); во втором издании Большой советской энциклопедии (БСЭ) в качестве положительного примера «традиций» фигурировали «народные празднества» [Традиции 1956: 90–91]³. Самый распространенный «народный» праздник — Проводы зимы («советизация» масленицы) — включал традиционные элементы, характерные не только для самой масленицы, но и для дореволюционной русской культуры вообще: сбитень, ярмарку, тележки, игры в снежки, народные хоры, кулачные бои и так далее⁴.

¹ См. например [XVII Съезд II: 215] (необходимость сохранить коммунистические традиции); [XVII Съезд II: 244] (важность введения новых праздников, например «Серп и молот»).

² См. например [Климов 1964: 14].

³ Характерно в этом отношении и часто встречающееся отождествление «традиций» и «праздников» у наших информантов: **Соб.:** А праздники дома отмечали среди семьи... **Инф.:** Да, все большие праздники двенадцатые, такие, как Рождество, Пасха, Крещение там и все остальное — это обязательно у нас отмечалось, строго. Троица — отец косил траву, стелили ее, все это... Он воспоминания — все ж из крестьянских семей были, и вот эта вся традиция оставалась. **Соб.:** Нашей истории традиция... **Инф.:** Да, нашей истории традиция» (М., родился в 1947 г. в небольшом городе Луганской обл., родители рабочие) [Oxf/Lev T-04 PF12A: 15].

⁴ О «проводах зимы», см. напр. [Курантов 1961: 87; Кампарс, Залсович 1967: 87–88; Федорченко 1962: 20–22] (в последнем случае активисты сначала допрашивали стариков, как праздновали в прошлом). Широко праздновался и так называемый «праздник урожая». Этот праздник впервые появился в 1920-е гг., но стал, по мнению активистов, гораздо более «народным» в 1960-е гг. (см. напр. [Саватеева 1963: 27]).

Опора на «традиции» придавала советским праздникам, с одной стороны, общественный и общеобязательный характер (придумывать свои собственные праздничные ритуалы не полагалось)¹, с другой стороны, связывала их с досоветским культурным прошлым. Показателен заголовок материала, опубликованного в «Известиях» 1959 г.: «Добрые традиции творят народ»².

«Нужно отказаться от пьяных гулянок»

Развитие новых праздников обусловили не только поиски «сплачивающей» социальной символики, но и другие факторы. Среди них — желание справиться с влиянием христианских традиций. Так называемая «оттепель», как известно, принесла конец кратковременному и шаткому примирению между властью и православной церковью, наступившему в годы войны, и обозначила возобновление жесткой политики секуляризации, характерной для периода 1918—1932 гг.³ В то же время партийные работники предпочитали избегать прямых конфликтов с верующими, считая, что это вызовет скорее обратный эффект⁴. Предпочтительным считался косвенный подход: нужно было убедить верующих, что отмечать христианские праздники не стоит. Всячески подчеркивалась их «отсталость»:

Каждое лето в самую горячую пору сельскохозяйственной работы наши колхозники отмечали религиозные праздники и по несколько дней не выходили на работу. Мы, конечно, не раз говорили, что нужно отказаться от пьяных гулянок, стыдили прогульщиков. Но делали это не очень решительно и, пока жили сравнительно небольшими колхозами, так и не смогли создать общественного мнения против религиозных праздников [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 96. Л. 91; Сек. парткома колхоза «Совет» Шарьинского района (Костромской области) Кварталов, 16 июля 1961 г.]⁵.

¹ Ср. напр. [Oxf/Lev P-07 KT PF4A: 1]: «Этот день был запечатлен в памяти семьи как событие, которое радует не только узкий круг родственников, но это событие и предприятия, на котором они работали, это событие и района».

² Более подробный анализ советских традиций см. [Kelly 2008a].

³ К другим религиям тоже относились с пренебрежением: см. напр. «Справку об опыте работы Илекской районной партийной организации Оренбургской области по улучшению культурного обслуживания на селе» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 96. Л. 1–7], в которой критикуется случай, когда мулла справлял похоронный обряд над членами местной партийной знати, или замечание об Оренбургской области в 1958 г.: «Широко распространен и такой унижительный обычай, как обрезание» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 57. Л. 8].

⁴ В секретной информационной записке 1959 г. о случаях «грубого администрирования» в отношениях с церковью Г. Карпов, председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР, писал: «Духовенство не только не должно знать о наших намерениях и целях, а даже и догадываться об этом» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 57. Л. 37; подчеркнуто в оригинале]. Ср. «Справка о нарушении советского законодательства о культах в городе Мурманске» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 96. Л. 101].

⁵ Похожий материал см. [Белов, Певзнер 1960: 3–4].

Как становится ясно из этого документа, одновременно шла борьба и с пьянством. В костромском колхозе, описанном здесь, каждый год отмечались 39 религиозных праздников с участием 500 человек; «разгул» продолжался 3–4 дня. Решение ввести всеобщий колхозный праздник, отмечающийся 18-го июня, выдать колхозникам получку на 2–3 дня и «создать возможность через торговые организации купить все необходимое к празднику» было вызвано стремлением максимально сократить ущерб производству от празднования. Сходный пример «праздника народной трезвости» из городской жизни — так называемый «праздник зарплаты», который должен был вытеснить из жизни «обмывание» или «магарыч», заменяя пьяный карнавал сознательным размышлением о том, что означает вступление в рабочий коллектив [Маслова 1980: 108–110]¹.

Симптоматичен для «политики вытеснения» тот факт, что Ленинград и Пермь (те города, в которых энергичнее, чем во всех других, помимо Москвы, публиковались материалы о «новых традициях») считались в конце 1950-х — начале 1960-х гг., с идеологической точки зрения, проблемными. Среди населения Ленинграда, родного города ведущего «музея атеизма», в начале 1960-х гг. был высок процент граждан, открыто соблюдавших религиозные обряды, а в Перми, где местный агитатор Евгений Климов стал одним из наиболее активных авторов брошюр о «новых праздниках», «идеологическая невыдержанность» интеллигенции вызывала ожесточенную критику со стороны Отдела агитации и пропаганды ЦК, а также беспокорство местного КГБ².

¹ Ср: «Чего греха таить, в былые годы существовала порочная привычка „отмывки“ первой получки. Большая часть ее тратилась на выпивку» [Маслова 1980: 109]. Борьба с «пьяными праздниками» началась уже в конце 1920-х, но тогда полагались не столько на новые праздники, сколько на «безбожные собрания, доклады, лекции, кино, постановки» [Соболев 1932: 18].

² Статистику о соблюдении религиозных традиций см. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 100. Л. 198]. В 1961 г. 38 % детей в Ленинградской области были крещены, 44 % — в самом Ленинграде, 26 % похорон было совершено по религиозным обрядам в области, 28 % в г. Ленинграде. На большие праздники до 200 тыс. жителей Ленинграда ходили в церковь. О Перми см., напр., секретный отчет, «Копия информационной записки Отдела о недостатках в работе партийной организации Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду» (ноябрь 1960 г.) [РГАНИ. Ф. 56. Оп. 34. Д. 76. Л. 1–12]. Здесь содержатся жалобы на плохую дисциплину на работе, мелкое хулиганство, пьянство, отсев среди учащейся молодежи, большое количество нездоровых проявлений среди спекулянтов и проч. В более обширном отчете «Некоторые итоги работы общественных организаций области по воспитанию коммунистического отношения к труду» [Там же. Л. 13–112] рисуется та же картина, со многими подробностями. См. также отчет (под грифом «секретно») «Справка о некоторых фактах антисоветских и политических нездоровых проявлений среди интеллигенции и молодежи города Перми» 26 мая 1965 г. от зам. начальника управления КГБ при СМ СССР по Пермской области Полковника Кремлева [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 113. Л. 203–210], в котором даются сведения о разных группах студентов (например, литературный кружок, выпускающий нелегальный журнал «Антей», и организация «Союз свободомыслящих» в ПГУ) и о занятиях так называемых «радиоухлиганов». За получением этой сводки КПСС последовало «совершенно секретное» постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «Обязать Пермский горком КПСС устранить отмеченные в настоящем постановлении недостатки. Направить усилия партий-

Но борьба за «новые традиции» велась не только с помощью принципиально новых праздников и ритуалов. Привлекался и материал из прошлого. Этому процессу содействовал этнографический истеблишмент, который с облегчением реагировал на идеологическую атмосферу, более благоприятную для своих собственных научных «традиций», чем классический марксизм-ленинизм, по канонам которых «традиции» ассоциировались скорее с отсталостью¹. Связь термина «традиция» с термином «этнос», укоренившимся как раз в этот период, отражала логику порочного круга: если «этнос» определялся «традициями», то «традиции» имели ценность прежде всего как выражение «этноса».

Некоторые этнографы принимали участие и в создании новых праздников и обрядов. Сотрудничая с партийными и комсомольскими организациями, центрами научного атеизма, городскими управлениями культуры и домами культуры, они писали сценарии, участвовали в конференциях, публиковали нормативные работы, определявшие, что можно было бы позаимствовать из прошлого. По словам Ю.В. Бромлея, допустимо было обращаться к тем несоветским традициям, которые отвечали нормам советского законодательства, гигиены, этики и эстетики [Бромлей 1981: 16–17]².

В официальных сценариях «новых традиций» было много сугубо советского материала: доклады секретарей местных парткомов, присутствие «героев труда», посадка деревьев, чтение вслух стихов о советской Родине, торжественное вручение ключей от новой квартиры молодоженам. Но авторы нормативных материалов также рекомендовали гостям на свадьбах кричать «Горько!» и полагали, что праздники будут отмечаться по-разному, в зависимости от того, где они отмечаются. Если на городскую свадьбу

ных коллективов и первичных парторганизаций на формирование у интеллигенции прочных идейных убеждений, на повышение ее роли в коммунистическом воспитании трудящихся» [Там же. Л. 199–200]. Об инакомыслии и репрессиях в отношении инакомыслящих в Ленинграде поздних 1950-х — начала 1960-х гг. см. [Ваксер 2005: 307, 313–325], о религии: [Там же: 336–339].

¹ За знаменитым изречением Карла Маркса в первой главе трактата «18-е Брюмера» — «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» — следовала статья И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос»: «Подумайте только: „сохранить“ такие „национальные особенности“ закавказских татар, как самобичевание в праздник „Шахсей-Вахсей“! „Развить“ такие „национальные особенности“ грузин, как „право мести“!» (гл. IV). В первые десятилетия Советской власти слово «традиции» употреблялось в положительном смысле в отношении к «революционным традициям» «передовых» русских писателей XIX в., а с конца 1930-х гг., когда ускорился темп «русификации» советской высокой культуры, — и в отношении к самым возвышенным жанрам фольклора, например, былине. Быту и обычаям положительный смысл не приписывался [Hirsch 2005]. Об отношении этнографов к традициям в постсталинское время см., например, докладную записку директора Института этнографии АН СССР С.П. Толстова, адресованную ЦК в марте 1961 г. [Толстов 2006].

² Например, бригада, рассматривающая вопросы атеистического воспитания в Псковской губернии (24 марта — 4 апреля 1986 г.), включала наряду с представителями ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и центров научного атеизма директора Ленинградского музея этнографии и зав. сектором Института этнографии АН СССР [ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 95. Д. 371. Л. 9–10].

молодожены едут в машине, то на селе они вполне могут появиться в разукрашенной тележке¹. Даже в официальных предписаниях признавалась возможность «дифференцированного подхода», и тем самым вносились коррективы в жесткую централизацию, характерную для официального понимания праздника в сталинскую эпоху. Существовал «примерный сценарий» любого «праздничного вечера», состоявшего из песен, официальных поздравлений, реминисценций о великих событиях местной истории, воспоминаний трудящихся². Но в разных городах, районах и даже микрорайонах могли отмечать разные события. Например, в поселке судостроителей в Перми в 1988 г. праздновали не только «День Победы», Новый год, День города, «Проводы зимы», но и «День завода», «спортивный праздник, посвященный открытию зимнего сезона», «День лыжника» и так далее [Искусова 1988: 37–38]³. Официальный список ленинградских «массовых театрализованных праздников» включал, наряду с государственными, и «День знаний», «Алые паруса», «годовщину со дня основания Петербурга-Петрограда-Ленинграда» и «праздник фонтанов Петродворца» [О проведении 1986: 2].

«На общественных началах»

В эволюции советских праздников с конца 1950-х гг. присутствуют парадоксы, характерные для так называемой «оттепели» вообще⁴. С одной стороны, судя по воспоминаниям очевидцев,

¹ Не исключались и более специфические подробности: например, в пособии по праздникам, изданном в 1958 г., был описан случай, когда подарки невесте содержали таинственную посылку. Когда развернули многослойные бумажки, внутри оказалась сошка, висящая на ленточке. «Все рассмеялись», когда подарок вышел на свет [Праздник на селе 1958: 111].

² Интересно, что данную форму обнаруживают и постсоветские праздники: см., напр., рукописный сценарий «Праздничного вечера, посвященного Дню Защитника Родины», устроенного в Пермском Дворце культуры 21 февраля 2005 г. (в архиве авторов). После чтения стихов — «Где Отчизны начало? / С милых сердцу полей, / Для кого-то с причала, / С Камы и с журавлей... // Нас Отчизна растила / Ради праведных дел, / С нами крепнет Россия, / Так уж бог повелел!» — начинаются приветствия и выступления ветеранов, праздничные речи ведущих фигур города и так далее.

³ Ср. сохранившиеся «пригласительные билеты» Дворца культуры им. Кирова в Перми: 28 июня 1975 г. — 8-й Прощальный школьный бал выпускников Кировского района, 9 декабря 1982 г. — литературный праздник «Союз нерушимый республик свободных», 5 августа 1984 г. — праздник «Дом, в котором я живу» и так далее (приглашения хранятся в архиве авторов.) В апреле 1984 г. Дворец культуры Свердловского района города Перми предлагал посетителям, наряду с семинарами, викторинами, «устными журналами», лекториями и концертами, «Вечер отдыха: Концерт художественной самодеятельности татарского коллектива», «Обряд „Молодежные свадьбы“», «Смотр самодеятельного творческого объединения», «Торжественное собрание трудящихся Свердловского района, посвященное празднику 1-е Мая» и так далее («Дворец культуры и техники ироизводственного объединения „Моторостроитель“ имени Я.М. Свердлова. Календарный план работы на апрель 1987 года». Архив авторов).

⁴ Это время не только открытых дискуссий и разоблачения «культ личности», но и формирования «гражданской бдительности» путем создания таких социальных институтов, как товарищеский суд и «добровольные народные дружины». О репрессивном лице постсталинской эпохи см. [Хархордин 2002].

все было тщательно предписано. Все праздничные мероприятия контролировались местными властями (помимо партии и комсомола, в планировке и проведении торжеств участвовали Управление культуры при исполкоме горсовета, органы народного образования и администрации дворцов и домов культуры)¹. В провинциальных городах, по воспоминаниям «культуртрегеров» того времени, руководствовались представлениями о том, чего хотели «в Москве». В то же время шла игра в равенство и демократию. Из центра людей убеждали, что они должны действовать автономно. В 1959 г., например, в отправленном в ЦК КПСС отчете о телевидении в Куйбышеве критически оценивалось недостаточное внимание местных журналистов к славному прошлому родного края: «Например, Московское радио и телевидение дали материал о 250-летию г. Сызрани, а редакция студии не сказала ни слова о своем родном городе»².

Другая навязчивая идея «годов оттепели» наряду с «инсценированным регионализмом» — участие простых людей в политическом процессе. Ей следовали, например, организаторы «политпросвещения» в Ленинграде. Среди мероприятий, содержащихся в отчете за 1960 г., были следующие: «кружки для домохозяек и пенсионеров по изучению истории партии, текущей политики, университеты культуры, школы атеизма и т.д. В Василеостровском районе, например, при 12 жилищных конторах созданы лектории по различным отраслям знаний, советы и клубы женщин»³.

Сталинский идеал «дисциплины» и «партконтроля» сменился панибратством:

*Коммунисты-мастера и начальники цехов, смен и бригад совместно с рабочими ходят в кино, театры, участвуют в вечерах, походах и массовках, беседуют с ними на политические, производственные и бытовые темы*⁴.

¹ См. напр., решение Исполкома Ленсовета от 27 июня 1969 г., «Общегородный праздник „Алые паруса“ для выпускников школ Ленинграда» // Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 1969. № 10. С. 8. О дворцах культуры, см. [Oxf/ Lev P-07 KT PF4A]: «В Перми существовало 46 профсоюзных дворцов, клубов и домов культуры, значит, в каждом районе по несколько. И они все разрабатывали свой план деятельности с учетом предприятий, территории и государства. Общегородские бывали как общегосударственные». Детальный план празднования 20-летия окончания Великой Отечественной войны см. [ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 137. Д. 22. Л. 21–29].

² А. Маркулов, инструктор отдела пропаганды и агитации В. Московскому, «Справка о подготовке телевизионных программ на местном материале Куйбышевской студией телевидения», 12 января 1959 г. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 56. Л. 3].

³ «Отчет об итогах 1959–1960 учебного года в системе партийного просвещения в Ленинградской партийной организации» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 65. Л. 235].

⁴ «О некоторых новых формах организации воспитательной работы среди трудящихся по месту жительства в Москве и Ленинграде» [РГАНИ. Ф. 6. Оп. 34. Д. 95. Л. 36].

Вместо изображений смиренных людей, благодарящих Вождя за счастье, ниспосланное с советского неба, встречаются портреты сознательных, думающих граждан:

Доярка колхоза «Победа» Черкушинского района Т. Шапирова на вопрос о пользе учебы ответила: «Скажу прямо: занятия в экономической школе были для меня очень полезны. До этого я, да и мои товарки, работали, подчас не осознавая значения и результата своего труда. Мы не знали даже, во сколько обходится колхозу литр молока, килограмм мяса. Учеба заставила нас думать, по-новому подходить к своей работе. Я теперь твердо знаю, из чего складывается себестоимость продукции, и многое делаю для того, чтобы увеличить доходы нашей фермы»¹.

Интересным представляется факт, что инициатива для создания «новых традиций» могла исходить снизу. В фондах РГАНИ хранится обращение Алексея Суркова, тогдашнего генерального секретаря Союза Писателей, в Отдел культуры ЦК КПСС:

Гражданка Т.И. Кубракова из Саратовской области обратилась в Союз писателей с письмом, в котором ставит вопрос о бытовой обрядности. Письмо это, написанное старым человеком, может на первый взгляд показаться примитивным и даже немного смешным. Но вопросы, поставленные в этом письме, все послеоктябрьские годы волнуют уже. Ведь мы на самом деле ничего не дали народу взамен красочных и действующих на воображение церковных обрядов, оформляющих рождение, брак и смерть человека. Союз писателей слишком узко профессиональная организация, чтобы осмелиться взять на себя решение такого вопроса, имеющего общенародное значение. Поэтому я и счел себя обязанным переслать это письмо в Центральный Комитет. А. Сурков, 2 янв. 1956 [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 14. Л. 3].

Конечно, на такого рода «письма трудящихся» обращали внимание неспроста. Их функцией была легитимация политических кампаний, руководимых сверху. Но в данном случае письмо Кубраковой действительно опередило центральные власти, как можно понять по уклончивой реакции на него представителей ЦК. В заметке заместителя заведующего Отделом культуры Б. Рюрикова и заведующего сектором Отдела В. Иванова содержалось следующее замечание: «Вырабатывать особые бытовые обряды и распространять их в директивном порядке нецелесообразно». Вместо активной работы с «новыми обрядами» предлагалось устраивать сатирические нападки на старые: «Полагали бы целесообразным поручить „Литературной газете“ и „Комсомольской правде“ выступить со статьями на за-

¹ «Справка об итогах 1960–1961 учебного года в системе партийного просвещения Пермской областной партийной организации» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 86. Л. 35].

данную тему» (т.е. начать борьбу со старой обрядностью) [Там же. Л. 4]. Но уже через пару лет начали появляться первые брошюры о «новых обрядах», и три года спустя, в 1959 г., началась кампания «за новые обряды» в «Известиях»¹. В том же году появился первый в Союзе «Дворец бракосочетаний» в Ленинграде, ставший затем моделью для нового социального института по всей стране. К началу 1960-х гг. выдумывать «красочные и действующие на воображение» новые традиции стало вполне обычной задачей культработников в центре и на местах.

«Праздник нашей улицы»

Шаг в сторону «регулируемого самовыражения» был замечен не только в так называемом «политпросвещении», но также и в управлении культурой. Характерным явлением времени были так называемые «университеты культуры» — массовые учреждения культурного миссионерства. Кроме того, судя по отчету 1961 г., «стали появляться новые формы участия трудящихся в культурной работе и в управлении культурно-просветительских учреждений» (следовали указания на библиотеки и парки культуры, организованные «на общественных началах», и народный музей в г. Клин, основанный «силами интеллигенции и пенсионеров», общественные отделы культуры)². Бурно развивалась художественная самодеятельность, поощрялись культурно-просветительские инициативы по месту жительства³. Например, пособие, появившееся в 1966 г., содержало следующий пассаж:

У вас нет героя? А кто такой герой? Это не только тот, у кого на груди сверкает Золотая Звезда Героя Советского Союза или Героя Социалистического Труда. Разве тот, кто замечательно работает в своем колхозе, не герой? А разве смелый дружинник — не герой? А разве ребята, которые сдали много бумажного или металлического лома, не герои? У вас нет артистов? А разве вам не доставит радость исполнение перепляса дояркой колхоза? Она ведь так любит поплясать! И сколько таких плясунов живут вок-

¹ См. материалы [Быть или не быть советским обрядам 1959; Горинев 1959; Добрые традиции 1959; Плющ 1959; Русанов 1959; Тесс 1959; Усаковский 1959].

² «О развитии общественных начал в работе органов и учреждений культуры» 9 сентября 1961 г. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 96. Л. 108–109]. Опять-таки стоит подчеркнуть специфический характер этого культуртрегства: здесь речь идет не о благотворительности ради благотворительности, а о диалектическом процессе, по ходу которого и интеллигенция должна была понять свое место в коллективной жизни. Так, в «совершенно секретном» постановлении Бюро ЦК КПСС РСФСР с 1965 г. отмечалось, что «работа в массах является важнейшим средством идейной закладки самой интеллигенции» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 113. Л. 199].

³ См., напр., «Копию информационной записки отдела о недостатках в работе партийной организации Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду» (ноябрь 1960 г.) [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 76]: «Воспитательную работу нужно переносить в жилые кварталы, поселки, на место жительства, охватывая ею все население».

руг вас! Любой из них согласится выступить на празднике вашей улицы и рассказать о своей жизни и труде, попеть или поплясать для вас [Праздники нашей улицы 1967: 11]¹.

Данный текст, несмотря на свою нелепость и почти пародийность, свидетельствует о существенных культурных переменах. При Сталине «героизм» в первую очередь относился к «всесоюзным» героям, таким как Павлик Морозов, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов². Теперь же любой заслуженный рабочий в принципе мог стать «героем на день». Не зря поощряли как раз такие «бытовые» коллективные праздники, как день рождения на месте работы³. В Кировском районе г. Перми, например, регулярно проводился праздник «Дом, в котором я живу», на котором организаторы рассказывали о судьбах жителей двора и который пользовался популярностью у населения:

Инф.: *Например, начинала я вечер [праздника «Дом, в котором я живу». — К.К., С.С.] со слов, что «вы живете в одном микрорайоне, вы живете в одном доме, а хорошо ли вы знаете людей, кто живет рядом с вами?» <...> мы распределялись с девочками, ходили по квартирам, <...> знакомились с судьбами, вычленили что-то интересное и писали сценарий и вот прямо приглашали их в такой-то день, им, значит, дарили цветы, и старались уделять судьбы фронтовиков, многодетных семей... Интересные судьбы, вот.*

Соб.: *И приходили люди?*

Инф.: *Да как же, они ждали! <...> Мы приезжали в микрорайон, вот двор большой и дома вокруг. Там стоит агитплощадка, лавочки, всё, подключение, как положено. У нас автобус пришел, поставили микрофоны, еще никого нет, а я уже начинала работу, говорю: «Внимание, через несколько минут начинает работу агитплощадка ну там Вестник, Спутник, Рубин» <...> Вывешивали план на месяц работы, когда, в какой день и что будет интересное [Oxf/Lev P-07 KT PF2].*

Таким образом, на первенство имели право, в принципе, все. И это привело, с одной стороны, к некоторой «демократизации» праздника, с другой стороны, к его «секуляризации» (в политическом отношении). В 1930-е и 1940-е гг. все праздники считались общесоюзными, а теперь накопилось значительное

¹ Ср. [День рождения доярки 1963] или следующее замечание в отчете КПСС от ноября 1960 г.: «В колхозе „Правда“ этого же района [Чернушинского] чествовали лучшую птичницу т. Мерещякову» («Некоторые итоги работы общественных организаций [Пермской] области по проведению в жизнь принципа „Кто не работает, тот не ест“», ноябрь 1960 г.) [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 105].

² Это совсем не исключало указания на скромное происхождение героя, его душевную простоту и так далее. Но достижения героя должны были быть незаурядными.

³ О праздновании дня рождения см. [Калачева 2000]; о Новом годе [Петрова 2000]; о Первом и Последнем звонке [Келли 2004]; о «Празднике Букваря» [Лойтер 2006].

количество праздников и торжеств сугубо местного значения. Помимо этого, с нивелировкой «гласности» после снятия Хрущева политическое содержание праздников отошло на второй план и более важной стала «развлекательная» составляющая. Не зря брошюра 1985 г. о Дворце культуры имени И.И. Газа в Ленинграде вышла под названием «Дворец хорошего настроения». Конечно, «общественное» лицо государственных праздников во многом осталось неизменным: парады на Красной площади, трибуна, выступления на местных главных улицах и площадях¹. Но даже здесь были заметны новые тенденции, в частности — появление чисто увеселительных элементов. Например, 31 декабря 1971 г. исполком Ленгорсовета установил «проведение ежегодно праздничных фейерверков в городах Колпине, Петродворце, Пушкине и Сестрорецке 1 и 9 мая, 7 ноября» [О проведении 1971: 20]. Важный момент в развитии «развлекательных» элементов праздника — создание в 1983 г. решением Пленума ЦК КПСС так называемых «культурно-спортивных комплексов» (КСК), в которые включались дома культуры, клубы (в том числе клубы по месту жительства), спортивные и музыкальные школы, музеи и т.п. В их обязанности входили «организация проведения массово-политических мероприятий и общенародных торжеств, юбилейных дат, советских, гражданских обрядов, праздников, гуляний», а также «проведение районных фестивалей, смотров, спартакиад, соревнований и других массовых культурно-спортивных мероприятий» [Об организации 1985: 10]. Так, «массово-политические мероприятия», «районные фестивали» и «общенародные торжества» уже ставятся в один ряд².

Детские праздники, традиции для детей

Другим важным импульсом для включения досоветских элементов в советский праздник и его «децентрализации» послу-

¹ Ср. [Baiburin, Piir 2008]. И в хрущевское время, разумеется, государственные праздники были строго регламентированы и ничего общего с «карнавальной» традицией инверсии ценностей не имели. За демонстрациями и гуляньями наблюдали и милиция, и «добровольные народные дружины» (о присутствии последних на Первомайском празднике 1977 г. см. [ЦГАИПД. Ф. К-881. Оп. 20. Д. 57. Л. 45]). Нарушения сурово наказывались, как в знаменитом случае «прокола» поэта Мухоморова, описанном Дмитрием Бобышевым [2003: 155]: «Подвыпивши, когда шествие замедлилось в ожидании выхода на Дворцовый мост, Мухоморов забрался на основание Ростральной колонны и стал выкрикивать: „Утопим Бен Гуриона в Неве!“, „За свободное расписание, за свободную Венгрию!“, „Долой кровавую клику Булганина и Хрущева!“. В результате Мухоморов уекли на четыре года в лагерь». Вариантов этого рассказа много, но факты лозунгов и ареста подтверждаются следственным делом (см. <http://kkk-plus.nm.ru/krasilnikov_pri.htm>).

² Этот процесс продолжался в постсоветское время. По мнению нашей информантки, работающей в институте культуры г. Перми и открывшей фирму по организации праздников, происходит «шоунизация» (так!) праздников, в отличие от их «идеологизации» в советское время [Oxf/Lev P-07 KT PF3].

жили представления о том, как лучше воспитывать молодежь и как организовать для нее досуг. С одной стороны, недостаточно идеологические развлечения вызывали недовольство властей. Так, в отчете о Пермской области 1960 г. критиковалось низкое качество вечерних программ для молодежи: «В доме культуры калийного комбината в Березниках в октябре месяце было проведено 9 вечеров танцев и так называемых вечеров „Приходите к нам отдыхать“, что тоже по существу является вечерами танцев»¹. С другой стороны, власти признавали, что программы с чисто политическим содержанием непопулярны. Например, на это указал Герой Советского Труда Родионов на организованном обкомом Ленинградского комсомола в 1966 г. совещании, посвященном патриотическому воспитанию:

Патриотическая работа в основном проводится по праздникам, а системы нет. Здесь говорили: «Дворец Труда, Матросский клуб, Дом офицеров, наша секция музея истории города». Все хорошо работает. А ведь это не так, товарищи. Например, что было на встрече ветеранов с молодежью Кировского завода? — Первая встреча прошла хорошо. А вторая встреча была почти без молодежи, потому что был выходной день, и молодежь не пожелала посвятить его такой встрече. А мы привезли на эту встречу участников боев Ленинграда, революции, участников Гражданской войны, участников «Орешка», «Невской Дубровки» и др. Мы приехали для молодежи, а ее нет»².

Просто требовать от молодых людей пиетета по отношению к истории Родины было бессмысленно. По словам А.Н. Шелепина, первого секретаря ЦК ВЛКСМ на тринадцатом съезде комсомола в апреле 1958 г., советские молодые люди «не видели в глаза помещика, кулака, не знают, что такое безработица, эксплуатация и другие язвы, присущие капиталистическому строю. Часть молодежи плохо представляет себе, какой ценой, кровью и потом завоеваны те условия, в которых она сегодня живет» [XIII Съезд 1959: 30]. Для новых поколений «живая нить» прошлого порвалась; революция и война стали «историей», оставляя место для дискуссий о том, какой именно слой прошлого будет больше всего востребован.

На организацию специальных праздников для детей и молодежи неизбежно влияла противоречивость общих идеологических тенденций послесталинских лет. С одной стороны, «блос-

¹ «Некоторые итоги работы общественных организаций области по воспитанию коммунистического отношения к труду и проведению в жизнь принципа „Кто не работает, тот не ест“». Анонимный отчет, написанный, по всей видимости, работником отдела пропаганды и агитации Пермского городского совета. Ноябрь 1960 г. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 107].

² «Стенограмма заседания секции ВЛКСМ и традиции» 14 апреля 1966 г. [ЦГАИПД. Ф. К-881. Оп. 16. Д. 8. Л. 53].

тители нравов» были особенно заинтересованы в сохранении «советских» ценностей у этих возрастных групп. В таких новых праздниках, как «торжественное вручение паспорта» или «Алые паруса», «революционные традиции» преобладали над «народными». Показательно описание «Алых парусов» 1972 г.: «В содержании праздника будет широко отражен славный юбилей пионерской организации, 50-летие Советского Союза, тема верности Родине, гражданскому долгу в выборе жизненного пути» [О проведении 1972: 21]¹.

Большое значение имел такой чисто политический обряд, как прием в пионеры. В 1930-е и 1940-е гг. в пионеры, как правило, принимали сразу весь класс, без особенных формальности. А с поздних 1950-х гг., по крайней мере, «лучших учеников» нередко принимали в пионеры в каком-нибудь почетном месте советской истории (в музее Революции, на «Авроре», в городском музее Ленина).

Между тем в школе и детском саду все с большим энтузиазмом праздновались «аполитичные» дни — Праздник букваря, День учителя, день рождения. Праздники начала и конца школьного года, «Первый звонок» и «Последний звонок» в значительной степени лишились идеологического содержания: доклады и отчеты перестали иметь важное значение. 1-е сентября стало достоянием родителей, с гордостью фотографировавших своих детей. «Выпускной бал», в 1930-е и 1940-е гг. проходивший только в элитных школах², стал обычным явлением. Так общественное становилось личным.

Наряду с этим шел и бурный процесс «приватизации» государственных праздников, поощряемый нормативной литературой. Родителей убеждали, что Новый год должен быть замечательным праздником для детей, что дни рождения положено праздновать. Любой семейный праздник считался хорошим, лишь бы побуждением к нему не служило какое-нибудь религиозное событие³.

¹ Ср. описание «Дня рождения завода» секретарем Комитета комсомола на Кировском заводе Геннадием Рейсом: «Мы также отмечаем „День рождения завода“ — 2 апреля. В прошлом году свой праздник мы начали с Пискаревского кладбища, где возложили венки погибшим воинам. Там же состоялся митинг с Вечным огнем. Затем этот огонь был привезен во Дворец Культуры. На этот праздник были приглашены ветераны войны и все наши подшефные воинские части» [Стенограмма заседания секции ВЛКСМ и традиции. 14 апреля 1966 г. ЦГАИПД. Ф. К-881. Оп. 16. Д. 8. Л. 33].

² См. напр., воспоминания Риммы Мамонтовой о 25-ой образцовой («кремлевской») школе в Москве: директриса «организовала в году 1937–1938-м первый в СССР школьный выпускной бал» [Голубович 2006: 68].

³ Темы «укрепления семьи» и «традиций» довольно часто переплетаются в позднесоветских нормативных текстах, касающихся досуга. Например, брошюра [Любительский клуб 1989: 2] описывает коллекционерство как «одну из традиционных и увлекательных форм проведения содержательного досуга», которая «может представлять семейную форму проведения досуга, охватывать несколько поколений одновременно и переходить из поколения в поколение».

Показательны мотивы официальных фотографий таких массовых праздников, как 1-е Мая и День Великого Октября, которые существенно различались в зависимости от эпохи. В 1930-е и 1940-е гг. дети по большей части изображаются как члены детских коллективов и прежде всего пионерских отрядов (см. илл. 1). Такие фотографии еще встречаются в послесталинский период (см. илл. 4), но более типичными оказываются изображения семейных групп (см. илл. 2, 3). Официальные документы первых десятилетий советской власти, как, например, протокол заседания Детской подкомиссии Краснопресненского района Москвы от 13 января 1923 г., настаивали на разделении детей и взрослых: «Поручать т. Яковлеву в срочном порядке совместно с районами исправить маршруты шествий, дабы предупредить скрещивание демонстрантов взрослых с детьми» [ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 131. Л. 21]. В 1930-х гг. старшие пионеры организовывали ясли во время демонстраций, давая родителям возможность маршировать вместе с коллегами по работе¹. Но к концу 1950-х гг. «праздничной нормой» считалась группа взрослых с детьми, тем более если такая группа состояла из одной или нескольких примерных советских семей.

С «интимизацией» праздника и его «инфантилизацией»² во многом нивелировалась ценность непосредственного участия в праздничных событиях в центре страны. Вследствие расширения телевизионной сети появилась возможность участвовать в «официальной» части праздника заочно. В принципе местные торжества могли свестись к застолью, компании родственников и друзей и ощущению не радостного слияния с большим коллективом, а расслабленного общения со своими, близкими людьми.

Теперь обратимся к вопросу о том, насколько соответствовала новым идеалам культура «праздничного быта», каков был резонанс «массовых праздников» среди самих советских людей.

«Праздник прошел очень весело и интересно»

Судя по официальным источникам, включая отчеты в архивах, советские праздники, в том числе и «новоиспеченные», отме-

¹ «Пока их родители будут вместе со всеми пролетариями Москвы шагать в октябрьских колоннах, мы будем развлекать малышей» [Во время 1935].

² «Детоцентричность» позднесоветского праздника стала особенно заметной в конце 1980-х гг. Например, в 1988 г. газета «Вечерний Ленинград» описала новогоднее гуляние так: «В бесконечной толпе, покрывшей весь проспект, то там, то здесь слышны детские голоса — несмотря на поздний час, веселые и бодрые. Даже с колясками встречаются мамы и папы» [Праздник на нашей улице 1988: 1]. Ср. описание новоселья, устроенного жильцами Молодежного жилого комплекса на Ленинском проспекте, во время которого мальчик, наряженный Буратино, вручал символический «ключ от дома» председателю комплекса. Мероприятие сопровождалось ярмаркой, «где продавались детские игрушки, сласти и промышленные товары» [На их улице — праздник 1988: 4].

чались всегда радостно. В случае нового «колхозного» дня в Шарьинском районе, например, было объявлено, что население довольно новыми условиями. Празднование удачно соединяло веселье с благопристойным поведением:

Следует сказать, что праздник прошел очень весело и интересно, разумеется, абсолютно без затрат общеколхозных средств на это мероприятие. <...> Характерно, что за дни гулянья не было не только хулиганства, но даже малейшего нарушения правопорядка, что изобиловало в религиозные праздники¹.

Это описание типично для официальных источников: новые праздники проходят «весело», «интересно», но без шума и беспорядков. Ср. следующее описание фестиваля «Песня на целине» в Омске, осенью 1961 г.:

В богатом убранстве была Андриановская роща, где отмечали свой праздник трудящиеся Р-Полянского района. На фоне зелени ярко вырисовывались портреты членов правительства, передовиков сельскохозяйственного производства и лозунги со словами «Новыми успехами в труде встретим XXII съезд КПСС», «Дадим Родине больше хлеба, мяса, молока!». Выставленные стенды и щиты раскрывали предсъездовские обязательства трудящихся района и их успехи в подъеме сельского хозяйства. С раннего утра целинная степь наполнилась звуками музыки и веселой песни. В празднике песни и танца приняло участие более 10 тысяч человек².

Итак, судя по официальным источникам, новые праздники и обряды «прижились». Конечно, доверять отчетам не стоит, но полевая работа в 1980-х гг. в некоторых деревенских районах Подмосковья показала, что новые праздники в значительной степени уже вытеснили досоветские: колхозники в этих местах о «масленице» ничего сказать не могли, зато детально были знакомы с новейшей ее заменой, «Проводами зимы» [Савушкина 1988: 12–13]³. Данные из небольших городов также показывают, что постсоветские информанты с теплотой вспоминают «профессиональные» праздники, например, День железнодорожника [Ахметова, Лурье 2005: 349].

¹ Кварталов, секретарь парткома колхоза «Совет» Шарьинского района [Костромской области]. «Записка об опыте преодоления религиозных празднеств на селе» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 96. Л. 91].

² Справка о работе культпросветучреждений Омской области по пропаганде и разъяснению материалов XXII съезда КПСС 30 дек. 1961 г. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 96. Л. 137].

³ Ср. [Oxf/Lev P-05 PF8B: 16]. Эта информантка также помнит, как ее пионерский отряд участвовал в праздновании Дня лесника (там же). В 1920-х гг., наоборот, праздновали в первую очередь престольные праздники, Рождество, Пасху, масленицу и так далее (см. напр. богатый «праздничный» материал в сочинениях середины 1920-х гг. школьников из калужских школ Первой Опытной Станции Наркомпроса, [НА РАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. Л. 21–25; Там же. Д. 246. Л. 4. Л. 107. и т.д.]).

В больших городах некоторые новые праздники также регулярно отмечались. Вот что рассказывает наша информантка, долго работавшая преподавателем в институте культуры и журналистом в Перми:

В советское время была очень развита система профессиональных праздников: день строителя, день работника сельской промышленности, день работника легкой промышленности, день учителя и так далее <...> Был специальный сценарий, праздник, разработанный под флагом России. <...> Был, появился праздник рабочей династии. Отмечали династии как рабочих — династия Ваграновых на заводе Ленина была <...> еще там были династии такие, династия учителей, династия врачей [Oxf/Lev P-07 KT PF4].

В Ленинграде положительные воспоминания связаны с «Алыми парусами», новым фестивалем выпускников, отмечавшимся с конца 1950-х гг.: «Все воспринималось как-то весело, радостно» [Oxf/ANRC SPb-07 PF1A SA: 5. Ж., 1944 г.р.; мать работала библиотекарем].

Однако в общем и целом эффект новых календарных праздников был, судя по всему, ограниченным¹. Насколько можно определить, ни один из них не вошел в список праздников, отмечаемых дома рядовыми советскими гражданами. Гораздо больше внедрялись «новые обряды» — бракосочетание и наречение имени ребенка, коллективные празднования юбилеев и дней рождения, свадебные юбилеи и так далее².

Судя по устным воспоминаниям, праздники часто сочетались не с «культурным досугом», а с теми «отсталыми» традициями, от которых рассчитано было публику отучить:

«Вот, на русской зиме, праздник был „Русская зима“ — тоже было такое. <...> Это типа проводы, проводы русской зимы. <...> Что-то не поделили, подрались, с пихтовскими» [Oxf/Lev P-05 PF26A: 4-5. М., 1962 г.р., из деревни Пермской обл.; мать работала дояркой, отец трактористом].

«Советские» праздники были далеко не свободны от «хулиганства» и «нарушений правопорядка». Были случаи, когда слово

¹ По воспоминаниям «культуртрегеров» того времени, всплеск специфически городских праздников приходится на 1990-е гг. Например, праздники индивидуальных улиц начали отмечать тогда же, что и «День города» [Oxf/Lev P-07 KT PF4: 3]. Правда, сначала не все шло гладко: ср. замечание про День города в Ленинграде: «Ощущение праздника, который сворачивает за угол при первом приближении, поначалу не покидало» [Кожевникова 1991: 5].

² «Были праздники, связанные [пауза] с семьей. Это, значит, день бракосочетания, во Дворце бракосочетания. <...> День наречения имени праздновался тоже во Дворцах культуры, которые принадлежали разным предприятиям, и был разработан сценарий. Туда приходили мать с отцом, с ребенком, через месяц после того, как ребенок родился. <...> Появились праздники — юбилей семьи. Серебряная свадьба, золотая свадьба, ситцевая свадьба. То есть постоянно вот укрепление семьи» [Oxf/Lev P-07 KT PF4: 8].

«традиции» использовалось советскими гражданами в качестве самооправдания: например, на ленинградском заводе «Красная заря» почти 25 % опрошенных комсомольцев признавали, что они активно участвовали в каком-то религиозном обряде, а около 30 % из них мотивировали свое участие ссылкой на «традиции» [ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 27. Д. 222. Л. 43].

«Громче овации вмиг загремели»: дети и раннесоветские праздники

Чтобы понять специфику роли детей в послесталинском празднике, необходима небольшая «предыстория». В первые десятилетия советской власти дети должны были участвовать в праздниках на том же уровне, что и взрослые. Стихотворение «Парад» 16-летнего Александра Кобелянского, напечатанное в подборке стихов к 60-летию юбилею Сталина в 1939 г., изображает советский праздник как карнавал цвета, шума и бурных эмоций:

Празднично-радостна Красная площадь,
Высятся серые стены Кремля,
Пламенем ярким красных полотнищ
Флаги сверкают, на солнце горя.
Золотом звезды на башнях сияют,
Слышится звонкий приветственный крик.
Вот на трибуне места занимают
Наши вожди. Все приветствуют их.
Вот поднимается в серой шинели
Близкий, любимый, знакомый, простой...
Громче овации вмиг загремели:
«Да здравствует Сталин — страны рулевой!»

[Родина и Сталин в творчестве детей 1939: 14].

Характерно, что Кобелянский описывает торжества не в своем родном городе (Мариуполе), а в Москве. «Сердце» сталинского праздника — Красная площадь, куда стремятся все верные советские граждане, ожидая наивысшего счастья — встречи с Вождем¹.

Восторженные изображения праздника и праздничной толпы на Красной площади встречались везде в «культурном производстве» 1930-х и 1940-х гг. — на плакатах, в газетах, документальных и художественных фильмах. А торжества во всех других местах — что как раз и было реальностью для многих советских

¹ Ср. отдел библиографии, посвященной 60-летию Сталина в журнале «Литература в школе»: «Сталин — творец новой счастливой жизни народов СССР». Три четверти названных публикаций относятся к встречам героев с вождем, например: *Байдуков Г.* Встречи с товарищем Сталиным. М.: Л., 1938. Одно из основных изображений парада в советской пропаганде — вид трибуны, на которую поднимают к вождям счастливого ребенка (наиболее ранний пример — Нина Здрогова в «Правде» за 1 июля 1935 г.).

граждан — воспринимались как симулякр, бледное подражание событиям в центре страны¹.

Стихотворение Кобелянского указывает на важное место праздничного материала в социализации советских детей. Если в первые дни Февральской революции дети выходили на улицы и площади спонтанно, из интереса к окружающим событиям, солидарности с «народом» или праздного любопытства, то вскоре посещение демонстраций и митингов стало закономерным явлением школьной жизни². В новых букварях и книгах дети могли читать о Первомайских и Октябрьских праздниках, об участии своих сверстников в современных политических мероприятиях: «Красный обоз: Мы с радостью отдаем государству это первое самое дорогое для нас зерно» [Новый путь 1930: 23]³. В детских садах и школах они рисовали картинки с изображением фейерверков и флагов, писали стихи, устраивали школьные праздники с песнями, танцами, чтением вслух [Красные зори 1919]⁴.

После школьных реформ 1932 г., когда успеваемость в учебе стала самой важной задачей примерного советского ребенка, детям стали приписывать менее активную роль в политической жизни страны, зато рисовалось их будущее в качестве верных и полезных граждан Родины. В конце 1935 г. повторение лозунга «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»⁵ стало ритуальным утверждением всего, что дано советским детям партией и народом [Детский карнавал 1939; Гришин 1939; Праздник на площади 1940]. Дети больше не выступали с докладами, как было принято в 1920-х гг., а радостно участвовали в общем строе, в громадном хоре, в большом счастливом коллективе:

¹ Об общей теме сталинизма как «жизни а ля Бодрийяр» см. [Dobrenko 2007: Ch. 1].

² О февральской революции см. любопытный набор сочинений мальчиков 8–12 лет из московских школ [Воронов 1927], напр.: «Мы пошли на улицу, где московские народы все ходили с флагами и напечатанной материей и пели про свободу. Все хотели кричать „ура“ солдатам за то, что они заступились за русский народ и дали всем свободу. Я очень радовался со всеми» [Воронов 1927: 6]. Ср. [Дети русской эмиграции 1997: 42, 186]. Об организованном посещении см., напр., «Информационное письмо о проведении праздника» от 18 марта 1926 г. [ЦАОДМ. Ф. 1884. Оп. 1. Д. 50. Л. 17]. Здесь описывается празднование Дня Парижской коммуны в Серебрянопрудской ячейке комсомола: участвовали 23 женщины, 18 мужчин и 33 ребенка, детская группа и комсомол ставили спектакли.

³ Ср. «Как устроить в школе праздник урожая» [Новый путь 1930: 15; Зак 1926]. Интересно, что праздники тоже играли значительную роль в жизни дореволюционной школы. См., например, [Ушинский 1912: 63–64]: «Праздники: Рождение Богородицы. Введение во храм. Благовещение. Рождество Христово. Крещение. Вербное воскресенье. Преображение. Светлое Христово воскресение. Воздвижение. Троицын день. Духов день. Успение Богоматери».

⁴ Ср. также сочинение мальчика, учащегося в одной из начальных школ Первой Опытной Станции Наркомпроса в Калужской губернии: «Пели песни все хором, потом пошли на площадку, там горели факелы, жгли всех кулаков» [Коля Капитанов. «Как был устроен праздник урожая». НА РАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 107].

⁵ Это самый распространенный вариант лозунга, который бытовал в разных вариантах: «Спасибо родному Сталину...», «Спасибо дорогому товарищу Сталину»; иногда благодарили и за «радостное» детство. См. также [Kelly 2008b].

Солнце яркое	Все нам!
Любовь и подарки	Все нам!
Новые школы	Все нам!
Отдых веселый	Все нам!
Лагеря и курорты	Все нам!
Новогодние елки	Все нам!
И костюмы с иголки	Все нам!
Дороги открыты	Для нас!
Каналы прорыты	Для нас!
<...>	
Расцветает земля	Для нас!
И звезды Кремля	Для нас!

[Гришин 1939: 14].

Жизнь советских детей описывалась как сказка, как сон, как бесконечный праздник. Подобно всем другим жителям «необъятной родины», дети должны были *ощущать* слияние с бесчисленными рядовыми советскими гражданами, отмечающими торжественный день: «Ощущение особой значительности этого замечательного дня [дня выборов. — К.К., С.С.], ощущение своей непрерывной спаянности с коллективом, ощущение спокойной и полной радости охватило миллионы рабочих, крестьян и интеллигентов» [Великий праздник 1938: 5].

Таков был идеал, «соцреалистическое» видение светлого будущего. Для маленьких детей, как описывает Андрей Сергеев, ощущение всеобщей любви могло быть приятно успокаивающим, навевающим чувство безопасности [Сергеев 1997: 9]. Примерные школьники смотрели на свою роль несколько по-другому: надо было заслужить свое счастье образцовой учебой, преданностью «гению всех народов» и «лучшему другу детей» (пример — Лев Аннинский, который стремился написать юбилейную евлогию Сталину не прозой, а стихами) [Кобо 1989: 54]. Ср.: рукописные мемуары 1949 г. москвича Бориса Родомана (1931 г.р.):

Помню веселые и яркие первомайские демонстрации, знамена и транспаранты, красные галстуки и платки, национальные костюмы, медь оркестров, громадные барабаны и литавры, красно-армейские шлемы и каски, карикатуры чемберленов¹ на палках, стаи резвых детей...²

¹ Т.е. карикатуры на Невилла Чемберлена (1869–1940), премьер-министра Великобритании с 27 мая 1937 г. по 10 мая 1940 г., инициатора примирения с Германией в 1938 г.

² Родоман Б. Тетрадь по графомании бывшего ученика 1–10 классов шести разных школ Москвы, Омска и Колосовки Родомана Бориса. Л. 22–23. Рукописные воспоминания Родомана находятся в его личном собрании. Ему и профессору В.Г. Безрогову выражаем благодарность за любезно предоставленную возможность ознакомиться с этим материалом.

Илл. 1. Группа старшеклассников на демонстрации в Ленинграде 7 ноября 1935 г. Автор неизвестен. ЦГАКФФД. Ар 30789

Но были дети и подростки, которые отмечали «красные дни календаря» по-своему, как, например, 18-летний саратовский школьник Яков Твердин и его сверстники:

Сегодня XXI годовщина Октябрьской революции. <...> Попали в небольшую рабочую комнату. <...> Начали с водки. Половину стакана выпил я. Потом налитый мне ерш вылил в стакан, который поставил под стол, чтобы сливать туда вино. После первого стакана водки поднялся один дурак и говорит мне: «А ты пьяный». Но я был еще трезвый, а этот дурак уже захмелел. За вторым последовал третий, за третьим четвертый и т.д. От водки переходили к пиву, от пива к ликеру, в конце концов все напились водрызи¹.

Примечательно также, что официальные торжества, демонстрации и парады редко играют значительную роль в воспоминаниях людей, выросших в сталинскую эпоху². Основная тема — тяжелый быт, а «праздник» — это то событие, которое выделяется на фоне будней:

¹ Из неопубликованного дневника Ю. Твердина. Личный архив профессора Ю.Б. Орлицкого. Выражаем благодарность профессору Ю.Б. Орлицкому и профессору В.Г. Безрогову за возможность ознакомиться с этим материалом.

² Если информантов этого поколения прямо спросить о праздниках, тогда они, естественно, кое-что про них расскажут, но чаще всего на уровне семейной жизни и даже тогда довольно неопределенно. (См., напр.: [Oxf/Lev SPb-03 PF 36A: 28]. «Инф.: Ну Новый год, Новый год. 1-е мая — да. 1-е мая, 7-е ноября, ну иногда собирались гости по поводу дня рождения или какого-то такого вот. <...> А в общем-то собирались, и бывало, что у нас проездом многие останавливались. Но праздники — да. 1-е мая, 7-е ноября очень почиталось, ну Новый год, конечно, такой семейный был праздник. Соб.: А подарки на Новый год только делались? Инф.: Да я как-то... у меня не запечатлелось. Даже Новый год не особо помню, честно [говоря]»).

У нас была только похлебка всегда. <...> И однажды в этой речичной похлебке я вдруг ощутила какую-то невероятную вкусность, что-то инородно прекрасное. Оказалось, что мама где-то нашла еще одну картофелину и покрошила туда. <...> И вот попал мне кусочек картошки. Это был праздник. А так это было ужасно. <...> Школа всю жизнь была для меня праздником. Потому что дома была теснота [Oxf/Lev P-05 PF3A: 10. Ж., 1936 г.р.; родители оба из деревни, в 1928 г. переехали в Пермь. Подчеркнуто нами. — К.К., С.С.].

Жизнь ретроспективно представляется как процесс *выживания*, на фоне которого любое удовольствие — «праздник». Поэтому и особенные семейные торжества по случаю праздников почти никогда не упоминаются¹. Как в советской пропаганде, так и в личных воспоминаниях «праздник» в первую очередь — событие общественное.

**«Ты идешь вместе с родителями и большой толпой...»:
детское восприятие демонстрации в послесталинской России**

После разоблачения «культа личности», начиная с 1956 г., изменилось и отношение к праздникам. Вместе с портретами Вождя исчезли и ритуалы выражения благодарности, которые, несмотря на попытки усилить значение культа Ленина, так и не были переадресованы последнему. В детской литературе и детском кино хрущевской и брежневской эры праздники занимали весьма скромное место. Самое значительное изображение — пионерский «праздник кукурузы» в фильме 1964 г. Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», который преподносится с заметной иронией².

Показательно также место советских праздников в сезонном цикле года в постсталинских книгах для начальной школы. Если в букварях, опубликованных в 1938–1952 гг., тема «Сталин и дети» была помещена в начало, а «Елка» и «Летом» как празд-

¹ Наоборот, семейное празднование вспоминается скорее как исключение из правила: «**Соб.:** А как встречали Новый год, как праздновали? **Инф. 1:** Последний Новый год [т.е. до войны. — К.К., С.С.] я хорошо помню тоже, встречали. **Инф. 2:** Делалась большущая елка, вот в большой бабушкиной комнате с пола до потолка громадная елка у нас была» [Oxf/Lev SPb-02 PF7A: 38. Инф. 1 — Ж., 1908 г.р., из Санкт-Петербурга/Ленинграда, родители были рабочими, выросла в детском доме с 1918 г. Инф. 2 — Ж., 1931 г.р., из Ленинграда, родители были рабочими].

² Сцена воспринимается кинолюбителем как пародия на торжественный «праздник урожая» в «Генеральной линии» Эйзенштейна, но эти ассоциации вряд ли возникли бы у самой детской публики. Ср. рассказ Эдуарда Успенского «Праздники в Простоквашино», где также пародируются советские праздники. Озадаченные вопросом о том, почему «День птиц есть, 8 Марта есть, а Дня коров нет», герои повести, кот Матроскин, пес Шарик и Дядя Федор, решают: «Надо для коровы Мурки праздник устроить». Следует описание праздничного столика с пирожными, громкой музыкой и лозунгом «Будь здорова, родная корова!». Но Мурка равнодушна к праздничной символике: она съедает не только бумажную скатерть, но и поздравительный лозунг [Успенский 2002: 466].

ничные явления следовали друг за другом в середине книги, то в постсталинских букварях и книгах для чтения чередование текстов находилось в прямой зависимости от времени года. Осенью собирали грибы и праздновали 7-е Ноября, зимой катались на катке и праздновали Новый год и так далее [Букварь 1963: 3, 37, 60, 82–83].

Воспоминания информантов «последних советских поколений» также заметно отличаются от воспоминаний информантов прежних поколений. С одной стороны, в их автобиографическом дискурсе рассказы о праздниках занимают большее место, чем прежде. По словам женщины, выросшей в Перми в 1960-х и 1970-х гг., «праздники больше воспринимались событием, а так-то простые дни, в общем-то, все были одинаковые» [Oxf/Lev P-05 PF12A: 1. Ж., 1960 г.р., из городка Пермской области; мать работала техничкой, отец водителем]. На фоне стабильной, но однообразной жизни праздничные дни детства описываются как настоящие «события», подобно тому как более или менее сытная еда была «праздником» в голодные 1930–1940-е гг. Кроме того, трансформация официальных определений праздника (которые стремились к «децентрализации» и «очеловечению») привела к «приватизации» праздника в глазах самих детей (т.е. переходу праздника от «общественного» события к событию «семейному»).

Для информантов довоенных поколений характерны воспоминания о том, как вся коммуналка праздновала «красные дни календаря» вместе:

Так что квартира была интернациональная. Но по памяти жили дружно, никаких не было недоразумений. Даже вот родители встречали праздники, Новый год, например, на кухне [Oxf/Lev SPb-02 PF8A: 1–2. М., 1933 г.р.; из башкирской семьи, родители рабочие].

Но тем не менее жили дружно, очень дружно и к праздникам выходили все с лопатами, граблями, очищали двор, устраивали чаепития [Oxf/Lev M-03 PF5A: 1. Ж., 1944 г.р., мать домработница].

В воспоминаниях о 1960-х гг. и позже стандартная сцена «празднования с соседями» становится редкостью (здесь наверняка играет роль понятие «отдельной квартиры» как социальной нормы)¹. Ключевым становится празднование в узком семей-

¹ Речь идет не о том, что отдельная квартира уже была социальной нормой (в Ленинграде, как известно, в коммунальных квартирах, бараках и общежитиях еще в поздних 1980-х гг. жило 19–65 % населения в зависимости от района), а о том, что в советской журналистике и поведенческой литературе с 1960-х гг. отдельная квартира представлялась социальной нормой. См. хотя бы «У нас отдельная квартира» [Букварь 1963: 80].

ном кругу (могли, конечно, приходить гости, но чаще не из числа соседей):

Праздники не помню с соседями... Помню, что у соседей тоже всегда праздничные столы были [Oxf/Lev P-07 PF13A: 1. Ж., родилась в 1961 г. в Перми; отец работал инженером, мать учительницей].

Одни государственные праздники воспринимались скорее как «просто выходные», другие были скорее «семейными». К семейным праздникам информанты относят прежде всего Новый год¹ и праздник 9 мая, который отмечался задолго до того, как стал государственным в 1965 г. Многие потом считали его своим особым семейным днем, даже если он и не сопровождался какими-то особыми семейными традициями:

Специальный праздник — 9-е мая. 9-е мая отмечается тоже в семье. В семье как праздник [Oxf/AHRC-SPb-07 PF 2A SA: 9. М., 1977 г.р., родился и вырос в Ленинграде].

«Деполитизация», шаг в сторону развлечения, наблюдается и на уровне описания деталей празднования. Правда, встречаются исключения. Информантка из Таганрога, родившаяся в 1968 г., вспомнила такой факт: «У нас если праздник, на доме висел обязательно красный флаг». Но эта деталь — часть описания семьи, и в остальном преданной советскому идеалу:

Отец работал — всегда раньше ходил на работу положенного срока, <...> к работе относился с такой отдачей — я так смотрю по жизни, это мне передалось очень сильно. Когда они ездили, возили зерно, уборка была — эти красные флажки, эти передовики... То есть, у него есть все значки «Ударник» — всех пятилеток, пока он работал, он был сплошной ударник» [Oxf/Lev T-05 PF19A: 2. Ж., 1968 г.р., родилась и выросла в Таганроге; мать работала бухгалтером, отец шофером].

¹ «Соб.: Какие праздники справляли? Инф.: Новый год, естественно, да, в общем-то, и все» [Oxf/Lev P-05 PF6B: 13. Ж., 1949 г.р., родилась и выросла в Перми, родители рабочие]; ср. «Соб.: А какие-то особые праздники были у вас в семье? Инф.: Да нет, наверное. Традиционно Новый год — елку ставили всегда. Всегда покупали в лесничестве билетик, рубил отец елку, она стояла, может, копеек 50, для семьи это было не так уж дорого. Елка всегда была живая, а игрушки... На первую елку, я помню, игрушки мы сами делали. Даже у нас не елка была, а веточку мы выбрали с братьями, дом был маленький еще, старый, и эту веточку мы привесли, какие-то игрушки наделали, и с той поры у нас стала елка дома. [нрзб.] ставили елку большую, покупали игрушки. Помню, что леспромхоз делал подарки, и мы ходили на елку в леспромхозовский клуб, там выдавали подарки обязательно. В детстве Новый год запомнился только тем, что в подарок была апельсинка или мандаринка. Мы, деревенские дети, знали апельсины или мандарины только раз в году, видели их в этом подарке» [Oxf/Lev P-05 PF8A: 10. Ж., 1959 г.р., из поселка Пермской обл., мать работала бухгалтером, отец рабочим]; «Новый год справляли. Мы всегда делали костюмы вместе со всеми. Каждый Новый год всегда был разный костюм. То космонавт, то Снегурочка, то еще что-нибудь, то бабочкой я захотела быть, то Снежинка» [Oxf/Lev P-05 PF23A: 7. Ж., 1957 г.р., из Перми, отец был военным, мать секретарем].

В большинстве случаев даже «красные дни календаря» подаются не как политическое событие, а скорее как развлечение. Выход на демонстрацию мог восприниматься просто как праздничное гулянье¹:

Конечно, мы там больно-то не понимали, что там, что там 7 ноября, 1 мая. Чего там? Что это за праздник? Какой там солидарности? Главное — много народу и все с шарами. Для всех это было, можно сказать, место встречи, что ли. Собирались. Себя показать, на людей посмотреть. Собирались компаниями, выпивали. Для всех это был большой праздник. Для нас тоже. Показать — на нас одевали самое красивое, что есть дома, мы готовились к этому празднику. Мы как на праздник собирались [Oxf/Lev P-05 PF24A: 8. Ж., 1958 г.р., из Перми; родители были рабочими].

Демонстрации помню. Ходили. Фотографий много осталось. Демонстрации мне, кстати, очень нравились, потому что там давали флажок, и по улице надо было идти с флажком. Он был такой настоящий: гладенькая палочка и наверху красный вымпел с треугольным вырезом. На нем, по-моему, еще звездочка была. Мне так нравилось. Идешь, ножками перебираешь, как взрослый. Все на тебя смотрят, хвалят, какая ты молодец. Там давали всегда шарики, это был всегда шик. <...> Перед демонстрацией все собирались на какой-то площади, и на этой площади выдавали шарики. Шарики не такие, которые опускаются, а которые стоят. Гелевые. Это раз в год только на демонстрации такие шарики были [Oxf/Lev P-05 PF15A: 7. Ж., 1977 г.р., родилась и выросла в Перми; мать работала техничкой, отец водителем].

Во второй цитате интересна неопределенность — «на какой-то площади». Цель парада также неопределенна: важен сам процесс передвижения по улице — «идешь, ножками перебираешь, как взрослый». Так «децентрализация» праздника в общем смысле (переход с Красной площади в провинцию) сопровождалась и децентрализацией ее восприятия «на местах». Социализация через праздник внушала ребенку прежде всего возрастные, а не политические представления о своей роли в обществе.

Некоторые и совсем не принимали непосредственного участия в демонстрации, а просто наблюдали торжества из окна или (что случалось довольно часто уже в 1970-е гг.) по телевизору.

¹ Ср. также: «Ну, когда все ходили гулять, то и мы ходили гулять. Это, кстати, было весело» [Oxf/ANRC-SPb-07 PF 5A IN: 13. Ж., 1969 г.р., мать музейный работник, отец преподаватель вуза]. Воспоминания о том, что не нравились парады и проч., крайне редки. Исключение см. [Oxf/Lev SPb-02 PF25A: 39. М., 1960 г.р., из Ленинграда; родители рабочие]: «Ну, демонстрации. Никогда не ходил. Нет, как-то было там, смотрели как-то. Нет. Не интересно». С нашими интервью совпадают и мнения участвующих в дискуссии о ноябрьских праздниках, организованной в «Живом журнале» в 2007 г., см.: <http://community.livejournal.com/opinion_ru/1140.html>.

Илл. 2. Родители и дети в колонне демонстрантов. Ленинград, 1 мая 1962 г. М. Блохин. ЦГАКФФД. Бр 18138

«Накрывался стол, смотрели парады и демонстрации по телевизору» [Oxf/Lev М-04 PF24А: 5. М., 1968 г.р., из поселка Московской обл.; отец был рабочим, мать учительницей].

Но даже и на демонстрации главным ориентиром для ребенка была семейная группа¹. В классическом детском стихотворении Сергея Михалкова «Дядя Степа» милиционер поднимает детишек на плечи; наши информанты помнят, как они сидели на плечах у отца²:

Еще дома отмечались все государственные праздники, накрывался стол, смотрели парады и демонстрации по телевизору, и я любил эти дни. Даже несколько раз ездили в Москву смотреть салют. Мы стояли на Бородинском мосту через реку, людей... была просто толпа, я сидел на плечах у отца. Когда в небо взлетал и разрывался салют, все кричали: «Ура!», когда даже из-за облаков было не видно салюта, а только его слышно, все равно все кричали «Ура», это было непонятно и смешно [Oxf/Lev М-03 PF25А: 5. М., 1968 г. р., из поселка Московской обл.; отец был рабочим, мать учительницей].

И частотный элемент в воспоминаниях о демонстрациях — не только знамена или лозунги, но и «шарики и флажки»³:

¹ Любопытно также, что отношение к празднику у информанта, процитированного выше, выражает не «радостное слияние» с коллективом, а некий эгоцентризм, даже нарциссизм: «Идешь, ножками перебираешь, как взрослый. Все на тебя смотрят, хвалят, какая ты молодец».

² Ср. изображение такой картины в фотографии 1970-х гг. В. Голубовского [Никитин 2000: 92].

³ Ср.: «Ой, такое праздничное настроение, первое мая, березы распустились, вот, уже можно выйти легко одетой совершенно, шарики в руках. Правда, тогда не надували вот этим газом, просто

Инф.: *А вообще, на демонстрации мы любили ходить. <...> Вот эти флажки, вот эти транспаранты. Там всякие воздушные шары, потом вот эти надувные какие-то... игрушки. Свистульки, чего только... шоколадные вот эти, да, петушки вот эти леденцы. По Невскому можно было пройтись, где обычно ездят же машины. А тут ты можешь пройтись прямо по середине, днем. Это же... как-то создавалось такое праздничное настроение. Не знаю. Я обожала эти вещи. <...>*

Соб.: *Ты идешь вместе с родителями и большой толпой, все разукрашенные.*

Инф.: *Да. Понимаешь. Праздничное настроение. Гремит музыка. То есть замечательное такое вот... просто замечательная такая вещь была [Oxf/Lev SPb-02 PF15A-B: 51. Ж., 1969 г.р.; родители были рабочими].*

«Пролетарии всех стран соединяются вокруг пасхального стола»

В нормативных материалах о «новом празднике» синкретизм был таков: «советское плюс народное (минус религиозные традиции)». Но, судя по воспоминаниям наших информантов, дело обстояло несколько по-другому. По мере того как коммунистические обряды теряли то «сакральное» значение, которое у них было в сталинскую эпоху, они становились все более совместимыми с христианскими традициями:

На первое мая ходили с яйцами, да-да [смеется]. Когда Пасха на первые числа мая выпадала. Ходили с яйцами. Класс! [Oxf/Lev P-05 PF10A: 8. Ж., 1977 г.р., родители рабочие].

А христианские традиции, в свою очередь, становились все более мирскими¹:

надували... ртом, вот, поэтому они не улетали никуда, но тем не менее. Это были шарики, флажки, даже фотографии сохранились, как мы ходили» [Oxf/AHRC SPb-07 PF1 SA: 8]; «Очень радостные воспоминания, впечатления, очень здорово. Шары, там, знамена, и весело, кучи веселых людей» [Oxf/Lev P-07 PF9]. Ср. фотографию радостных детей с шариками [Никитин 2000: 92].

¹ Здесь идет речь именно о христианских традициях. В еврейских семьях к 1960-м гг. еврейские праздники большей частью не праздновались, а иногда даже красили яйца и т.д. [CKQ-SPb-04 PF1B: 5. М., 1967 г.р., родился в Ленинградской обл., с 1972 г. жил в Ленинграде, мать рабочая, у отца были разные профессии]. (О секуляризации еврейской жизни см. также [Shternshis 2006: 40, 41, 184].) Среди татар, недавно приехавших в Ленинград, соблюдались татарские праздники: «Вот, смотрите, у русских же есть Пасха. Да? Но как бы к нам она никакого отношения не имеет. Но там же яйцо красят. Правильно? Ну вот. А у нас называется Емаркабаряма — то есть „Праздник яйца“. И у нас также дети ходили вот — мама рассказывала. Мы, конечно, мы-то здесь когда росли, это совершенно по-другому. А вот в деревне, мама рассказывала, что, она говорит: „Мы тоже ходили по домам, стояли, пели песни: Чтобы в этом доме... чтоб курочки побольше несли яиц там, чтоб у них было все благополучно“. И их угощали тоже яичками» [Oxf/Lev SPb-04 PF84B: 31. Ж. 1953 г.р., татарка, родилась в Ленинграде; выросла во Всеволожске, отец работал возчиком в ленинградском цирке, мать была домохозяйкой].

Пасха была... Но сказать, что это был религиозный праздник — это было по принципу «Пролетарии всех стран соединяются вокруг пасхального стола»¹.

Это был повод, я не скажу, что только в нашей семье. <...> Как религиозный праздник это никто не воспринимал. Во-первых, это всегда был, конечно, рабочий день, но яйца красили. Я красила их акварельными красками, сюжетные рисунки, абсолютно никаким образом с Пасхой не связанные. Я не знала вообще, что это религиозный праздник. Бабушки вот луком красили яйца, мне очень нравилось. Но у нас дома этим не занимались [Oxf/Lev P-05 PF21A: 10. Ж., 1958 г.р.; сначала жила в Перми, потом в Краснокамске; родители работали врачами].

Далеко не все знали, почему красят яйца, с чем связан праздник Пасхи. Этот ритуал воспринимался скорее как «общевесенний»². Люди наслаждались праздничным столом, крашеными яйцами и куличом:

*Про праздники религиозные я узнавала только потому, что при-
дешь к ней в этот день в гости, она тебя угостит какой-то
стряпней [Oxf/Lev P-05 PF8A: 10. Ж., 1959 г.р., из поселка Перм-
ской обл.; мать работала бухгалтером, отец рабочим].*

*На Пасху — это не было семейным праздником, но бабушка всегда
пекла изумительные пирожки, и пасхи, и в общем старалась, что-
бы это был такой вот день, вкусный, праздничный, яйца красила,
да, на Пасху. <...> Э-э.... Да по сути дела... это было вкусно. Это
было вкусно [Oxf/АНRC SPb-07 PF1 AK: 5. Ж., 1951 г.р., роди-
лась на Украине, выросла в Татарской республике; родители
были инженерами].*

«Праздники я помню исключительно по застолью»

В замечании «это было вкусно», характерном и для религиозных, и для советских праздников этой эпохи, проявляется отношение, хорошо выраженное немецким словом *Fressfrömmigkeit* («жратонабожность», т.е. соблюдение только тех религиозных и ритуальных правил, которые относятся к еде)³. По мере

¹ Слегка исковерканная цитата из известной песни Ю. Алешковского «Советская пасхальная»: «Сегодня яйца с треском разбиваются, / и душу радуют колокола, / А пролетарии всех стран соединяются / вокруг пасхального стола».

² Этой ситуации содействовало то, что новые праздники были как раз рассчитаны на то, чтобы заменить религиозные. См. комментарии одного «культуртрегера» из Перми: «Допустим, праздник Пасхи называли праздником Первой березки. И ДК профтехучилищ, областной дворец культуры профтехучилищ имени [нрзб], он так эти праздники все время и справлял» [Oxf/Lev P-07 KT PF4A].

³ Самое распространенное употребление этого термина — по отношению к немецким евреям начала XX в., для которых была характерна высокая степень ассимиляции по всем социальным индексам, но которые могли готовить ритуальную еду на Песах, например.

того как праздник «уходил в семью», все более и более важным становилось застолье. Так, женщина, выросшая в Перми в 1980-е гг., вспоминает:

Праздники я помню исключительно по застолью. Вот опять такое воспоминание. Был же дефицит всего, в том числе сгущенки. Какая-то мама, видимо, работала в каком-то магазине, и у них была возможность доставать эти дефицитные продукты. И она все время на эти праздники пекла орешки со сгущенкой. И пекла их мало, на всех не хватало. Кто успел, тот и взял. А меня же воспитывали так, что некрасиво со стола хватать. <...> И пока я спокойно тянула руку к этим орешкам, их всегда расхватывали. Помню ощущение, что я очень хочу, а у меня нет, и мама сделать не может. <...>

Гречневая каша, к ней курица — это вообще просто что-то! Жареная курица с гречневой кашей и помидорами в желатине! Я помню, пузо набок, налопаешься так этой каши с курицей! Это был праздник! Незабываемое воспоминание [Oxf/Lev P-05 PF15A: 6. Ж., 1977 г.р.; мать работала техничкой, отец водителем].

Как видим, праздник ассоциировался с наслаждением дефицитной едой; не зря классическое блюдо «салат оливье» меняло свой облик по мере того, как традиционные, «практически-недоставаемые» продукты поступали в открытую продажу [Кушкова 2005]¹. Но подробная запись того, что ели — достаточно редкое явление². Большинство информантов говорят о праздничной еде детства менее определенно. Главное, что было что-то вкусненькое³.

«Давали деньги только по праздникам»

Необычной была не только еда, но и общие условия праздника. Особенно баловали детей как раз в эти дни:

Отпускали только по праздникам, то есть давали деньги только по праздникам [Oxf/Lev P-05 PF12A: 2. Ж., 1960 г.р., из городка Пермской обл.; мать работала нянкой и потом поваром, отец был рабочим].

Может быть, она копила, может быть, она брала какие-то деньги в долг, но вот на большие праздники: Новый год и день рождения мне

¹ Ср. [Davidson 2006: 94]: на праздники в конце 1970-х гг. «приглашались обедать всегда те же друзья и родственники, и трапеза всегда состояла из одних и тех же блюд».

² Одно такое воспоминание: «Изстряпни всегда были рыбный пирог, шанги или пельмени. По праздникам» [Oxf/Lev P-05 PF4A: 26. Ж., 1936 г.р., из Перми; родители рабочие]. Воспоминание относится к 1950-м и 1960-м гг., когда информантка уже выросла.

³ Надо сказать, что дети не всегда считали ту еду «праздничной», которая таковой казалась взрослым. Например, одна информантка, работавшая воспитательницей в интернате в 1970-е гг., помнит свое изумление, когда один из ее воспитанников говорил с наслаждением о селедке с макаронами, которую ему подали дома на праздник [Oxf/Lev SPb-04 PF49B: 21].

доставалось, да. На двадцать третье февраля это, как правило, был очень скромный подарок почему-то. Почему не знаю. Я, наверно, [поэтому] не люблю двадцать третье февраля [смеется] [Oxf/Lev SPb-02 PF28B: 18. М., 1972 г.р.; мать была рабочей]¹.

Правда, от детей все равно ожидали хорошего поведения. Иногда их сажали за особенный маленький столик, отдельно от взрослых². Если дети сидели за общим столом, то спиртного им, разумеется, не давали:

Инф.: *И родители, и дети, мы сидели за столом.*

Соб.: *Все вместе?*

Инф.: *Да, все вместе. Мы, конечно, ничего не пили, дети там. Какой-то компот, туда-сюда... вот но... Все эти невестки, младшее поколение женщин, они всё готовили, мужики, там, курят, туда-сюда...* [Oxf/Lev M-03 PF16A: 11. Ж., родилась 1952 г. в Электростали; родители были рабочими].

Дети не только получали, но и сами дарили подарки:

Ну вот, допустим, скапливалась энная сумма, подходил праздник 23 февраля, я могла отчиму — но я его так не звала, я его звала «папа» — купить книгу [Oxf/Lev P-05 PF8A: 6. Ж., родилась 1959 г. в поселке Пермской обл.; мать — бухгалтер, отец был рабочим].

Чаще всего подарки были самодельными, особенно на 23 февраля и 8 марта. Самодельные подарки дети часто делали на уроках труда в школе.

Это было любимое дело: вырезать какой-нибудь кружок, на что-то приклеить, там цветочек, восьмерочку [на Восьмое марта. — К.К., С.С.], сзади привешивать на стеночку на тесемочку. Но у меня шедевры были такие, что их особо не вывешивали, но у них [т.е. родителей. — К.К., С.С.] были, хранились [Oxf/Lev P-05 PF21A: 9. Ж., 1958 г.р., родилась в Перми, потом семья переехала в Краснокамск; родители работали врачами].

Вышивали к праздникам. Помню, как-то мальчишки нарисовали, что вышить на платочках. Девчонки вышили потом, там голубя или якорь, звездочку, кому что [вероятно, к 23 февраля. — К.К.,

¹ Ср. [Oxf/Lev SPb-04 PF36B: 28–29. Брат и сестра 1939 и 1946 г.р., из Ленинграда, родители были рабочими]. Детям в детдомах тоже старались дарить подарки. См., напр., воспоминание воспитательницы интерната в 1970-е гг. [Oxf/Lev SPb-04 PF45B: 34]: «Несмотря ни на какую бедность нашу советскую, несмотря ни на что, детям всегда были подарки. Самые простые, самые скромненькие: там вот петушок, леденец, сосулька, яблочко, мандарин — всегда было, всегда».

² Впрочем, так могли делать и раньше: см. [Oxf/Lev SPb-02 PF7A: 38]: **Инф.:** Никогда дети за стол не садились. **Соб.:** А почему детей не сажали? **Инф.:** Отдельный столик, у нас был низенький столик» (Новый Год, 1940-е гг.: Ж., 1931 г.р.; родители были рабочими).

С.С.] [Oxf/Lev P-05 PF19A: 33. Ж., 1936 г.р., родилась в Перми, работала старшей пионервожатой в детском доме].

В некоторых семьях мастерили все вместе:

У нас было принято, мы всегда делали к праздникам газеты. Папа-конструктор, он рисовал, у нас они оставались, то есть, он рисовал, писал, а мама сочиняла, фотографии какие-то большие, вот надо будет у нее все-таки забрать наши потом эти самые, детские, всякие [Oxf/Lev SPb-02 PF26A: 17. М., 1960 г.р., с 1961 г. жил в Ленинграде, отец служащий, мать учительница].

Даже если ребенок и не был в центре внимания, в праздничный день ему было весело и хорошо. Вся семья было вместе, находилось время для совместных занятий, вдохновляло ощущение общей радости.

«Праздничное настроение какое-то было» — внесемейные торжества

Неотъемлемым элементом в праздничном веселье для взрослых была выпивка:

В деревне все равно люди проще, так скажем, и без этого ни один праздник, ничего не обходится [Oxf/Lev P-05 PF5A: 7. М., 1973 г.р., из Перми; родители рабочие, переехали из деревни в 1960-е гг.].

Эта потребность взрослых «веселиться» и выпивать могла вызывать у детей отторжение и портить праздник:

Единственно, с детским садом еще связано то, что праздник там праздник. Дети нарядные, елка большая, Дед Мороз, Снегурочка. А дома если отец принесет — раньше ведь давали подарки — если он принесет подарки с работы, то он придет обязательно вот такой [пьяный. — К.К., С.С.]. Если гости какие-то пришли, он может потом их выгнать всех, когда дойдет до кондиции. То есть дома ощущения праздника от начала до конца не было. Может, что-то и было, дадут там игрушку какую-то, но всё было испорчено отцом [Oxf/Lev P-05 PF12A: 4. Ж., 1960 г.р., из небольшого города Пермской обл.; мать работала нянечкой в детском саду и потом поваром, отец был рабочим]¹.

Для таких детей из «неблагополучных» семей спасением был детский праздник в школе или в садике. Праздники играли особую роль и в жизни детей из детских домов и интернатов. Вот как вспоминает воспитательница интерната о праздниках в 1960-е и 1970-е гг.:

¹ Ср. анонимное школьное сочинение 1926 г. «Отчет о проведенных зимних каникулах» [НА РАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 107]: «ТОЛЬКО НАМ НЕ НРАВИТСЯ КОГДА НАШИ РОДИТЕЛИ БЫВАЮТ ПЬЯНЫЕ МЫ ИХ БОИМСЯ И КАК-ТО ТОГДА В ДОМЕ НЕВЕСЕЛО БЫВАЕТ» [Прописные буквы в оригинале. — К.К., С.С.].

Илл. 3. Группа зрителей у Эрмитажа в «день рождения» пионерской организации 19 мая 1960 г.
В.Е. Ритов. ЦГАКФФД. Ар 162298

Мы ходили на Первомайскую демонстрацию, мы шли с нашими шефами. Да. Мы шли, мы шли через Дворцовую площадь, мы останавливались, мы пели, мы играли, мы были красивые, мы шли. Нас всегда приглашали [Oxf/Lev SPb-04 PF50A]¹.

Но и «семейные» дети могли с теплотой относиться к праздникам в садике:

Нас одевали, банты нам вязали. Мальчики все красиво одевались, шортики там. Все старались очень красиво на праздник одеться. Все учили стихи. Каждый почти [Oxf/Lev P-05 PF24A: 8. Ж., 1958 г.р., из Перми; родители были рабочими].

Радость у многих детей вызывали также и школьные праздники — «Первый звонок», «Последний звонок», школьная елка, празднование 23-го февраля и 8-го марта с обменом подарками и открытками и так далее²:

Это [Первое сентября. — К.К., С.С.] воспринималось вроде как праздник. Все с цветами шли, нарядные. Линейка как обычно. Но линейка вечно занудная. Она мне не нравилась никогда. Но само вот восприятие, что все-таки да, все встречаются после долгой разлуки, вот это какое-то, да, такое... Все-таки, да, праздничное настроение какое-то было [Oxf/Lev SPb-02 PF15B: 53. Ж., 1969 г.р.; родители были рабочими]³.

¹ Ср. воспоминания других воспитателей детских домов этих же лет: [Oxf/Lev P-05 PF18, 19, passim; Oxf/Lev SPb-04 PF47B: 22–23].

² Ср. [Келли 2004] (о «звонках», 23-м февраля, 8-м марта). О елках, напр.: «А праздники какие-то справляли в интернате? **Инф.:** А праздники также. Вот Новый год. Ну, не только в интернате, школой справляли. В школе елка ставилась. И обычно на каникулы-то шли где-то 28–27-го, раньше мы уходили. Ставили елку тоже большую. В школе» [Oxf/Lev P-05 PF24B: 14. Ж., 1958 г.р., из Перми; родители были рабочими].

³ Многие также вспоминают с энтузиазмом, как их принимали в пионеры: «Нас посвящали в музей Вооруженных сил. <...> Зал был какой-то очень огромный, и я там тоже терялась, хотя нас целый строй стоял, но зал я там, какой-то... не знаю, сколько там метров. Но мне казалось... потолка я не видела просто! В общем, что мы, там, говорили... Я помню, что споткнулась, когда говорила какое-то это вот обещание, естественно я споткнулась, растерялась, выплыла, всем всё повязали, все счастливые ушли» [Oxf/Lev M-03 PF10: 9–10. Ж., 1968 г.р., из Москвы; мать была рабочей]. Но это другой вид «праздника», не календарный, а скорее «новый обряд».

И здесь вполне мог присутствовать «семейный» момент, так как родители часто делали наряды, помогали с праздничными украшениями, покупали подарки и так далее.

В вопросе об отношении к празднику важно подчеркнуть различие в разных «возрастных слоях». Для совсем маленьких детей праздник был событием чисто семейного значения — народное гулянье в сопровождении родителей. На него реагировали примерно так, как на прогулку в Парке культуры и отдыха или на посещение зоопарка. В воспоминаниях о младшем школьном возрасте большое значение имеет присутствие сверстников (например, чаще употребляется местоимение «мы», иногда прямо вспоминается «самостоятельное» празднование):

Один раз, помню, родители уехали, я устраивала для всех наших детей с этажа... ах да, Рождество было Христово. Уже поздно собрались, чай пили. Но это было один раз всего, и мы уже достаточно большие были [Oxf/Lev P-05 PF10A: 8. Ж., 1977 г.р., родилась и выросла в Перми, родители рабочие].

Но семья оставалась некой «точкой опоры» даже в тех случаях, когда подростки праздновали вне семьи. Вспоминает молодой ленинградец, родившийся в 1977 г.:

Мы потом с Мишей пили водку в Летнем саду на 9-е мая. Мне было так стыдно вообще, думаю: «Господи, с мамой ходил, листочки собирал, а тут водку, как гопник, жру». Вообще, так было стыдно. Психологически очень неприятно [Oxf/АНRC SPb-07 PF2B SA: 17]¹.

Среди старшеклассников к концу 1960-х гг. уже наблюдается «рутинизирование» праздника, характерное для взрослой публики в годы «застоя» [Baiburin, Piir 2008]. Тем не менее праздник все еще воспринимается как праздник, как передышка (понятно, что лучше ходить на демонстрацию, чем сидеть на уроках):

Соб.: 7 Ноября на демонстрацию ходили?

Инф.: Ну, как бы гоняли на демонстрацию в школе.

Соб.: Вам не нравилось?

Инф.: Ну как не нравилось, всем нравилось ходить на демонстрацию. Причем, на 1 Мая школа ходила аж до центра Орджоникидзеvского района. Плакаты. «Миру мир», «Май», «Ленин жив». Я все писал на тряпках этих красных [Oxf/Lev P-05 PF 6B: 13–14. М., 1949 г.р., из Перми; родители рабочие]².

¹ В том же интервью, PF2A: 9, информант говорит о своем школьном приятеле, не праздновавшем 9-е мая с семьей, как о человеке «откуда-то с Марса».

² Участники форума, организованного в «Живом журнале» в октябре 2007 г., также часто вспоминали школьные годы как время разочарования праздниками: «Когда я был маленьким, я очень любил этот праздник, потому что я ходил с родителями на демонстрацию и взрослые мне давали нести флаг на длинном древке. Я был счастлив!

Илл. 4. Старшеклассники на демонстрации в деревне Ленинградской области. 1 мая 1964 г. Автор неизвестен. ЦГАКФФД. Ар 110122

В словах «гоняли» и «нравилось» проявляется амбивалентность человека, которому навязывают удовольствие¹.

От квазирелигиозного восприятия праздника, характерного для детей в сталинское время и требующего согласия на мистическом уровне, наблюдается переход к восприятию праздника прежде всего как «дня отдыха». Или, по классической модели Яна Ассмана [Assmann 1992: 17], совершается переход от обряда как «повторения» (Wiederholung) к обряду как «осуществлению» (Vergegenwärtigung). В обряде как таковом повторение ожидается, в повторении вся суть ритуального эффекта (успокаивающего, возвышающего); в увеселениях повторение должно играть ограниченную роль, иначе чувство развлечения заменится разочарованием, скукой. Ритуалы и праздники сталинского времени могли быть отчуждающими или пугающими², но

Но в школе, в средних классах, когда нас начали строить в школьные колонны, этот праздник превратился в настоящую муку, потому что флаг нести мне больше не давали, флаги несли десятиклассники, и мне было ужасно тоскливо тащиться по промозглой погоде на центральную площадь города Пензы» <http://community.livejournal.com/opinion_ru/1140.html>.

¹ Ср. [Oxf/ANRC SPb-07 PF1 AK: 9. Ж., 1951 г.р., родилась на Украине, выросла в Татарской республике], где за лирическим воспоминанием информанта («Ой, такое праздничное настроение...») сразу следует указание на «принужденность»: «В институте заставляли, в Казани ходила, да. Заставляли. Родителей в Зеленодольске заставляли. Вот. Они-то не любили ходить на эти праздники». По личным воспоминаниям одной из нас (КК), студенты Воронежского университета 1980-х гг. относились к самой демонстрации довольно равнодушно (старались передать наивным иностранцам знамена, чтобы самым иметь возможность удалиться, и т.д.), и главное веселье имело место в общегитиях, в парке культуры, в городских садах и так далее. По словам Анри Лефевра [Lefebvre 1991: 39], «и в досуге может быть отстранение» (т.е. не только в работе — в оригинале эти слова подчеркнуты).

² Пример отчуждения — Наум Коржавин, который, будучи пионером в середине 1930-х гг., сожалел об исчезновении «революционного духа» и замене его «межеумочной абракадаброй» [Коржавин 1992: 7]. Ср. воспоминания Эммы Герштейн о 1928 г.: «Я была довольна, что нахожусь здесь, а не в Москве, где все уйдут на демонстрацию <...> Представила эту невозможность увидеться с кем-нибудь, так как трамваи не ходят, а улицы загромождены демонстрантами, и их песни, и подкидывание товарищей в воздух на вынужденных остановках шествия... я не умела так» [Герштейн 1998: 11].

занудными они быть не могли. Для появления скуки сначала у людей должно появиться ощущение, что праздники могут и должны быть занятыми, развлекательными¹.

«Мы как-то не разобшались этим» — взгляд назад

Представители «последних советских поколений» не так склонны к тоске по прошлому, как те, кто на десять или двадцать лет старше их, хотя тема «детство как райское время» как раз характерна для представителей этих поколений². Тем не менее как раз в описаниях праздников часто звучит ностальгия по прошлому. Здесь она связана с ощущением равенства, братства, общности:

Если праздник был какой-то... Всем родители давали деньги, все вместе пошли в кино, обратно шли — ели мороженое. Мы как-то не разобшались этим [Oxf/Lev P-05 PF12B: 16. Ж., 1960 г.р., из городка Пермской обл.; мать работала нянкой и потом повара, отец был рабочим].

Характерен акцент на *некоммерческой* природе праздника³. По праздникам отдыхали от дефицита, и в поздних воспоминаниях такие дни превращаются в миф о блаженствах при советском строе, когда все было дешево⁴. По суждениям экономистов, дешевизна как раз была одной из главных причин дефицита, но взрослое сознание, вспоминающее «золотое детство», не вдает-

¹ В сталинское время праздники не обязательно должны были быть «веселыми», как и комедии не обязательно должны были быть «смешными». Важнее всего была грандиозность. Для 1960-х, 1970-х и 1980-х гг. характерна прямая связь между праздником и весельем: см., например, описание развлекательной телевизионной программы КВН как «праздника, требующего всеобщего участия» [Вайль, Генис 1988: 133]. Убеждение в том, что культурные явления должны быть «интересными», весьма типично для последнего периода Советской власти, и оно же содержит опасение, что интереса на самом деле часто не хватало. См., напр., справку Приозерского горкома от 1971 г. [ЦГАИПД. Ф. 27. Оп. 145. Д. 3. Л. 93]: «Вся учеба свелась к монотонной, посредственной читке пропагандистом тов. ВИШНЕВЫМ Н.М. газетного материала, что вызывало замечания слушателей: „Что, мол, нам читают газеты, мы грамотные, это уже читали“».

² Здесь наше мнение расходится с мнением, выраженным Л. Горалик [2007], которая считает ностальгию характерной прежде всего для «последних советских детей», увидевших только лучшее при Советской власти. Но дело в том, что эмоциональные высказывания о детском опыте как таковом редко связываются с четкой политической позицией — речь идет о слиянии детских и праздничных впечатлений, которое вполне совместимо и с совсем другого рода «взрослым» взглядом на события: см., напр., воспоминания участника в форуме «Живого журнала» о том, как его бабушка праздники не любила: «Она по нынешним понятиям просто диссиденткой была. А у меня на тот момент мозги уже были промыты напроц, спасибо детскому садику и школе. Слава богу, что успел у нее прощения попросить за не верее [т.е. неверие] свое, перед тем как ее не стало» <http://community.livejournal.com/opinion_ru/1140.html>. Т.е. речь идет о неком раздроблении памяти: детские воспоминания пробиваются в форме отдельных «цитат», не складываясь в развитую идеологию или мировоззрение. О «цитатности» см. также [Oushakine 2007].

³ Ср. указание на то, что елки в прошлом были «недорогими»: [P-05 PF8A: 10. Ж., 1959 г.р., из поселка Пермской обл.; мать работала бухгалтером, отец рабочим].

⁴ См. любопытные замечания [Шор-Чудновская 2006] о стереотипах постсоветской автобиографии.

ся в тонкости экономики. Главное здесь — отношение между дефицитом и изобилием, каждое из которых немислимо без второго¹. Если переживать дефицит было легче в ожидании праздника, то и праздники казались более значительными на фоне непраздничных дней².

* * *

В нашей статье описаны процессы трансформации советских массовых праздников с конца 1950-х до начала 1990-х гг. Отношение вождей и партработников к празднику, как и ко многим другим явлениям культуры, было противоречивым. С одной стороны, на праздник смотрели как на инструмент социальной солидарности коллектива и общества в целом, с другой стороны, как на события скорее местного и семейного значения. Идеологическая и развлекательная функции праздника в значительной степени переплетались: даже самые важные дни советского политического календаря стали сопровождаться не только муштрой курсантов, показом танков и самолетов, докладами и возложением венков, но и фейерверками, шариками, букетами и прочими сугубо развлекательными элементами. К концу 1980-х гг. некоторые праздники, например Новый год, прошли почти полную «десоветизацию».

Эти перемены, в свою очередь, повлияли и на роль детей и молодежи в праздничной культуре. Советские педагогические и идеологические тексты продолжали подчеркивать положительную роль советских праздников в коммунистическом воспитании молодежи. Вспоминая прошлое, молодежь должна была

¹ Ср. частоту воспоминаний о «дефиците» в наших интервью: «Вот это ещё с первого класса у нас повелось так, что на все праздники, например, на 8 марта мальчики дарят девочкам подарки, на 23 февраля — девочки. В общем, бывало так, что подарки даже были очень неплохие. Вот. Для этого родители собирали деньги. Деньги собирались немаленькие, но за счет этого и подарки достаточно хорошие. То есть, например, можно было получить в подарок набор цветных фломастеров, причем таких чехословацких, это была очень большая редкость. Действительно, очень приятно было! Вот. То есть, такие вот хорошие дефицитные вещи» [Oxf/Lev SPb-02 PF 29A: 42. М., 1972 г.р.; мать была рабочей; подчеркнуто нами. — К.К., С.С.]; «Никакого дефицита не... просто не достать было — да, стояли в очереди, за бельем, там, за... ну, за всякими товарами» [Oxf/ANRC SPb-07 PF13A IN: 2].

² Интересно, что в постсоветский период такое отношение начинает исчезать, у многих наступает равнодушие к праздникам. См. напр. [Oxf/Lev M-03 PF43A: 27. М., 1956 г.р., из Москвы; родители работали техниками]: «Я устал из-за того, что мы бьемся головой в бетонную стену, что то дело, которое мы делаем, не нужно нашей стране, что то дело, которое мы пытаемся сделать, пытаются подменить военными-спортивными праздниками, которые на фиг никому не нужны» или [Oxf/ANRC-SPb-07 PF 6B IN: 11. Ж., 1986 г.р., из Ленинграда; мать работала машинисткой]: «Соб.: А участвовала ли ты в праздниках городских, например, Дни города, Алые паруса? Инф.: Быть — была, но опять-таки где много народу, всё. Лучше по телевизору посмотрю. Я понимаю, что надо, надо быть, своими глазами это всё видеть, но...». Но есть исключения. Милитаризация парадов за последние несколько лет вызывает восторг у некоторых молодых людей. См., напр., сочинение 15-летней новокузнецкой школьницы 2003 г. из патристического сборника [Что значит быть русским 2005: 289]: «Какое великопение можно наблюдать на Красной площади, когда идет парад. Поражает точность и четкость действий военных».

учиться уважать политический статус кво и государственные идеалы. Но в то же время руководство опасалось, что каноны советского праздника, сформированные в сталинское время, устарели, что они не способны эмоционально увлечь молодежь, поэтому предлагалось искать другой подход. Одновременно с праздниками государственного и общественного значения культивировался «семейный праздник», акцентировался «семейный» элемент государственного праздника (например, в газетных репортажах и фотографиях, где в центре внимания находились семейные группы). И по архивным источникам, и по устным воспоминаниям ясно, что трансформация праздника отчасти шла «снизу вверх» и что ее эффекты были заметны не только «на бумаге», но и в действительности. Отношение к государственным праздникам заметно менялось, прежде всего у детей. В 1930-е и 1940-е гг. дети осознавали торжество и ритуальное значение «красных дней календаря»; в 1960-е, 1970-е и 1980-е гг. их, наоборот, скорее впечатляли развлекательные элементы. С одной стороны, информанты, выросшие в после-сталинские годы, вспоминают советские праздники с особенной теплотой и ностальгией. С другой стороны, эти эмоциональные реакции они не связывают с «советскостью» праздников, которые остались для них «непонятными и смешными». Политические акции проходили как бы «мимо», а радостные чувства вызывали скорее свободные дни в кругу семьи и друзей, вкусная еда, шары, фотографии. Так, перемены в праздничной культуре с конца 1950-х гг. не столько сплотили советское общество, сколько привели к атомизации общественных ценностей и, грубо говоря, к распаду той системы, на возобновление которой они были ориентированы¹.

Сокращения

НА РАО	— Научный архив Российской академии абразования (Москва)
РГАНИ	— Российский государственный архив новейшей истории (Москва)
ЦАОДМ	— Центральный архив общественных движений Москвы
ЦГАИПД	— Центральный государственный архив историко-политических документов (Санкт-Петербург)
ЦГАКФФД	— Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (Санкт-Петербург)
ЦХДМО	— Центр хранения документов молодежных организаций (Москва)

¹ Здесь мы, скорее, придерживаемся мнения Рональда Суни, подчеркивающего первичность культурных факторов в распаде СССР [Suny 1993], чем мнения Франсин Хирш, считающей, что такие факторы имели лишь периферийное значение [Hirsch 2005].

Библиография

- Ахметова М., Лурье М.* Материалы Бологовских экспедиций 2004 г. // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 336–357.
- Белов А.В., Певзнер А.М.* О праздниках престольных. М., 1960.
- Бенклиев С.Н.* Советскому быту — новые обряды. Воронеж, 1971.
- Бобышев Д.* Я здесь (человекотекст). М., 2003.
- Бондарев Ю.* Что такое счастье? (выступление на VI сессии Верховного Совета РСФСР) // Бондарев Ю. Собр. соч. М., 1986. Т. 6. С. 196–197.
- Бородкин А.* Сила великих традиций. М., 1963.
- Бромлей Ю.В.* Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни // Крывалев И.А., Коган Д.М. Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М, 1981. С. 5–27.
- Брудный В.И.* Обряды вчера и сегодня. Л., 1968.
- Брудный В.И.* Советская обрядность и атеистическое воспитание. М., 1985.
- Брудный В.И.* Борьба за новый общественный быт и рождение советской безрелигиозной обрядности. М., 1988.
- Букварь.* М., 1963.
- Быть или не быть советским обрядам? Спор продолжается // Известия. 1959. 5 дек.
- Вайль П., Генис А.* 1960-е: мир советского человека. Ann Arbor, 1988.
- Ваксер А.З.* Ленинград послевоенный 1945–1982. СПб., 2005.
- Великий праздник народов советской страны // Литература в школе. 1938. № 1. С. 5.
- Во время демонстрации будем играть с малышами // Пионерская правда. 1935. 4 нояб.
- Воронов В.* Февральская революция в детских записях // Вестник просвещения. 1927. № 3. С. 3–11.
- Геродник Г. И.* Дорогами новых традиций. М., 1964.
- Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.
- Гитазуллин В.* Праздник русской культуры // Культурно-просветительская работа. 1962. № 4. С. 20–22.
- Глебкин В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998.
- Голубович Н.* Родом из 25-й образцовой. Воспоминания «одесской» москвички // ДНК. Информационно-аналитический журнал. 2006. № 4 (19). С. 66–69.
- Горалик Л.* «Росагроэкспорта сырка»: Символика и символы советской эпохи в сегодняшнем российском брендинге // Теория моды. 2007. № 3. С. 13–30.
- Горинов М.* Да, нужны советские обряды // Известия. 1959. 19 окт.
- Гришин А.* Праздник счастья / Под ред. Е.А. Боголюбова. Пермь, 1939.
- Дети русской эмиграции / Сост. Л. Петрушева. М., 1997.
- Детский карнавал. Летний праздник для детей среднего возраста. М., 1939.

- Добрые традиции творят народ // Известия. 1959. 26 нояб.
- День рождения доярки // Культурно-просветительская работа. 1963. № 6. С. 4.
- Ельченко Ю.Н. Новому человеку — новые обряды. М., 1976.
- Зак С. Как Паша провел 1-ое мая. М.; Л., 1926.
- Искусова Л.Н. Роль традиционных массовых мероприятий в сплочении коллектива по месту жительства // Проблемы организации свободного времени и быта трудящихся по месту жительства. Пермь, 1988. С. 37–38.
- Калачева О. В. День рождения: праздничное устройство и основные значения // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Т. 2. С. 399–422.
- Кампарс П.П., Залсевич Н.М. Советская гражданская обрядность. М., 1967.
- Келли К. «Школьный вальс». Повседневная жизнь постсталинской советской школы // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.
- Кикило И. Новое время — новые традиции. М., 1969.
- Климов Е. Новые обычаи и праздники. Пермь, 1964.
- Климов Е. Праздник пришел в твой дом. Пермь, 1965.
- Кобо Х. (сост.) Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
- Кожневникова Н. Еще один День города // Невское время. 1991. 28 мая.
- Коржавин Н. Воспоминания о непрошедшем времени // Новый мир. 1992. № 7. С. 154–212. № 8. С. 130–193.
- Красные зори. 1919. № 1–2.
- Курантов А.П. Современные народные праздники и обычаи. М., 1961.
- Кушкова А. В центре стола: зенит и закат салата «Оливье» // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 278–313.
- Лапин В. Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007.
- Лисавцев Е. Новые советские традиции. М., 1966.
- Лойтер С. Ответы на вопросы форума «Обсуждение статьи Катрионы Келли „Школьный вальс“» // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 40–43.
- Любительский клуб коллекционеров: Проблемы, решения. М., 1989.
- Малышева С. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань, 2005.
- Маслова Т. Первая зарплата // Праздники, рожденные жизнью. Ярославль, 1980. С. 108–110.
- Михайлов В.М. Народные праздники на Руси. М., 2004.
- На их улице — праздник // Вечерний Ленинград. 1988. 29 июня.
- Никитин В.А. Оптимизм памяти: Ленинград 70-х. СПб., 2000.
- Новый путь: Вторая книга для чтения и работы в сельской школе I ступени. 7-е изд., перераб. / Сост. М.А. Мельников, под ред. А.Г. Калашникова. М.; Л., 1930.

- Об организации в Ленинграде культурно-спортивных комплексах // Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 1985. № 10. С. 9–11.
- О проведении ежегодно праздничных фейерверков в городах Колпине, Петродворце, Пушкине и Сестрорецке 1 и 9 мая, 7 ноября // Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 1971. № 2. С. 20.
- О проведении праздника для школьников «Алые паруса» // Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского совета. 1972. № 8. С. 21.
- О проведении в Ленинграде массовых театрализованных праздников // Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 1986. № 2. С. 2.
- Петрова Н.Г.* «Веков азартная игра»: Новый год, новый век... быт, традиции. М., 2000.
- Плющ А.* Разговор о традициях // Известия. 1959. 15 янв.
- Праздник на нашей улице // Вечерний Ленинград. 1988. 2 янв.
- Праздник на площади. М., 1940.
- Праздник на селе: Сб. ст. М., 1958.
- Праздники нашей улицы / Сост. В.Л. Бульванкер. Л., 1967. («Библиотечка пионера: Знай и умей»).
- Родина и Сталин в творчестве детей // Литература в школе. 1939. № 6. С. 3–15.
- Рольф М.* Советский массовый праздник в Воронеже и Центрально-Черноземной области (1927–1932). Воронеж, 2000.
- Русанов В.* Да, советские обряды нужны! // Известия. 1959. 11 окт.
- Саватеева Г.* Праздник урожая в колхозе // Клуб. 1962. № 27.
- Савушкина Н.И.* О современном состоянии фольклора // Традиции и современность в фольклоре. М., 1988. С. 7–21.
- XVII Съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи, 23–27 апреля 1974 года. М., 1975.
- Сергеев А.* Омнибус. М., 1997.
- Соболев А.И.* Покончим с пьяными праздниками. Самара, 1932.
- Соколова З.Р.* Традиция в современных обрядах и праздниках народов СССР // Традиции в современном обществе: Исследования этнокультурных процессов. М., 1990. С. 168–175.
- Тесс Т.* Рождение новых традиций // Известия. 1959. 30 апр.
- Толстов С.П.* Современные процессы национального развития СССР. Докладная записка секретарю ЦК КПСС Б.Н. Пономареву от 1 марта 1961. Публикация С.В. Чешко // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 146–160.
- Традиции // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1956. Т. 43. С. 90–91.
- XIII Съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи, 15–18 апреля 1958: Стенографический отчет. М., 1959.
- Усаковский А.* Нужны ли советские обряды? // Известия. 1959. 4 окт.

- Успенский Э. Праздники в Простоквашине. М., 2002.
- Ушинский К.Д. Родное слово для детей младшего возраста. Год первый. Первая после азбуки книга для чтения. 4-е изд. СПб., 1912.
- Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. М.; СПб., 2002.
- Федорченко В. Праздник русской зимы // Клуб. 1962. № 2. С. 20–22.
- Что значит быть русским сегодня? Сочинения старшеклассников-участников конкурса, проведенного в марте-июле 2003 года / Под общ. ред. И.М. Ильинского. М., 2005.
- Шор-Чудновская А. Биография своей страны // Право на имя. Биография XX века. Методология составления и изучения биографии. Четвертые чтения памяти Вениамина Иоффе. СПб., 2006. С. 47–58.
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität im frühen Hochkulturen. München, 1992.
- Baiburin A., Piir A. Happy Holidays: Remembering Soviet Festivals // Dobrenko E. (ed.) Soviet Happiness. 2008. Forthcoming.
- Cunningham H. Children and Childhood in Western Society since 1500. L., 1995.
- Davidson P. Food and Community in Soviet Russia: From Bulgarian Beans to Polish Plums // Moving Worlds: A Journal of Transcultural Writings. 2006. No 2. P. 90–98.
- Dobrenko E. Political Economy of Socialist Realism. New Haven, 2007.
- von Geldern J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, CA, 1993.
- Hirsch F. Empire of Nations. Ithaca, NY, 2005.
- Kelly C. “What kind of German am I? I speak Russian, I feel Russian”. “Tradition” as Framework for Social Solidarity in the Post-Stalinist USSR // Byford A., Ohayon I. (eds.) Solidarités et loyautés en Russie du XVII–XXI siècle. 2008a. Forthcoming.
- Kelly C. A Joyful Soviet Childhood: Licensed Happiness for Little Ones // Dobrenko E. (ed.) Soviet Happiness. 2008b. Forthcoming.
- Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society: The Soviet Case. Cambridge, 1981.
- Lefebvre H. Critique of Everyday Life. Introduction / Trans. J. Moore. L., 1991. Vol. 1.
- Oushakine S. “We’re Nostalgic but We’re Not Crazy”: Retrofitting the Past in Russia // Russian Review. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 451–482.
- Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, IN, 2000.
- Shternshis A. Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, 2006.
- Suny R. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.
- Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton, 2006.